

Виктор КОНЯЕВ

ПО ПРИТЯЖЕНИЮ НЕОБОРИМОМУ

(Заметки неравнодушного)

ТОЛПА И КРАСОТА

Летят года, как птицы быстрокрылые, не успел оглянуться, а уже пара лет отлетела в прошлое. И снова представилась возможность поехать на Байкал, полюболюбившийся мне, омыть лицо и руки его обжигающей водой. У нас в Кузбассе весна нынче пакостная – дожди и холода, холода и дожди, по прогнозам же в Иркутске ожидалось тепло и солнце, так что была даже надежда не только омыть отдельные части тела, но и целиком погрузиться.

Уезжал в дождь, но он не портил моего настроения, прекрасного в ожидании встреч в поезде, а особенно в Иркутске. Около года назад познакомился с главным редактором журнала писателей Иркутской области «Сибирь» Анатолием Григорьевичем Байбородиным, правда пока общались по телефону, но вот я еду туда и надеюсь познакомиться лично с ним и литераторами Иркутска.

Помня предыдущее путешествие, я был полон надежд на доверительное общение с попутчиками, долгие беседы о жизни и немало удивился, когда увидел в нашем отсеке из шести спальных мест по обеим сторонам прохода всего одного пассажира, довольно полного молодого человека, едущего в Тайшет. Сам он из Красноярска, работает в Тайшете мастером на стройке, а сейчас возвращается из двухдневной поездки к другу в наш город. Роман не очень разговорчив, да и поколения наши далеко-далеко отстоят одно от другого.

В родной области поезд часто останавливается, заселена она очень уж плотно, города близко стоят, и в каждом кто-то садится. Ещё не стемнело, а все места уже заняты. Напротив меня на нижней полке уместилась бабуся солидных годов, ей ровно восемьдесят, а над ней расположилась... хотел написать внучка, но поразмыслив, решил, что всё же правнучка, на вид ей не больше двадцати, не могла же мама родить её в сорок лет. Настя общительна, на впалых щеках часто рождается улыбка, делая аскетичное лицо милее, вот эта её улыбочивость и подвела меня.

Знакомство началось хорошо, они рассказывали о себе, поездке к родне в Кузбасс, своём замечательном Гусиноозёрске, что находится недалеко от Улан-Удэ. Бабушка ругала свою дырявую память, она приготовила и забыла взять семена лопуха, в Забайкалье он не растёт, там зимой ветра, снега почти нет, видимо, лопух вымерзает. Бабуля хотела посадить его в теплице, а потом рассадить, теперь придётся просить родню выслать семечки бандеролью.

А я всё посматривал на Настю, причёска у ней больно уж необычная. Русые почти до плеч волосы заплетены во множество косичек, да ладно бы просто заплетены, сейчас это не диво, у ней в косички вплетены полиэтиленовые нити, причём разноцветные, и мне сразу пришло сравнение её причёски с пластмассовой метлой, в которой вместо древесных прутьев закреплены синтетические нити разных цветов, у нас на работе такие используются.

Когда Настя встряхивала головой, искусственные вставки глухо постукивали, пластиковая метла стучит так же.

Вначале мне было неудобно задавать ей вопросы о причёске, но постепенно разговор становился более откровенным, и бес меня дёрнул за язык:

– А скажи, пожалуйста, зачем ты себе такое соорудила на голове?

Мы сидели на нижних полках, я – на своей, а она – рядом с лежащей прабабкой или бабкой.

В глазах девицы искреннее недоумение:

– Ну как зачем? Это же красиво! И я зарабатываю этим себе на жизнь.

Наверное, теперь недоумение построилось на моём лице и отразилось в глазах.

– Красиво?! Разве такое может быть красивым? Это же не природное!

Заметил, как впалощёкое лицо каменело, как колко заискрились тёмные зрачки, и остановиться бы мне, однако привычка, вероятно, не всегда приятная собеседникам, докапываться до сути не дала, даже когда она ответила резковато:

– Это вам не красиво, а девушкам нравится, и они за красоту платят.

– А что это тебе и им даёт? – тут же осознал, что вопрос задан неправильно и уточнил: – Я хотел сказать, что это даёт для сердца, для души, ведь когда делаешь что-то по-настоящему красивое, тогда на душе и на сердце радость.

А Настя уже смотрела на меня неприязненно, хмыкнула, в голосе жестяные нотки:

– При чём здесь сердце и душа, сейчас так модно. Вы в этом ничего не понимаете.

Подразумевалась моя дремучесть в современной моде.

Я обдумывал ответ, а она добавила:

– Надо же чем-то выделяться из толпы.

Эта фраза и дала мне подсказку.

– Вообще-то во все времена выделялись из, как ты говоришь, толпы своими способностями: умом, знаниями, трудолюбием, героизмом, а выделяться серьгой с кулак в носу или размалёванным во все цвета радуги лицом – это варварство, так делают дикари Полинезии или Амазонии. Получается, современная молодёжь уподобляется им? А смысл какой в этом?

Собеседница всё же сдержалась и ответила вполне достойно, хотя губки-то дёргались и ноздри вздувались:

– А вы уверены, что мне интересно с вами разговаривать?

Тут я одумался:

– Настя, прости, я не хотел тебя обидеть.

Бабушка глядела на нас с укором.

До самого Иркутска добрые отношения с попутчицей у меня так и не восстановились.

Жена наготовила мне в дорогу достаточно всякой снеди, но я всё ждал, когда же понесёт по вагону весёлая говорливая буфетчица какую-нибудь выпечку и напитки, не дождался. Подумал, просто не дошла до нашего вагона, он первый в составе, хотя в билете напечатано: «Седьмой».

В дороге, кроме разговоров, чем занимаются? Вот именно, едят и спят, поел обжаренную в духовке курочку – и на боковую, виды за окном все смотрены-пересмотрены.

Утром в окне тоже особо интересного ничего не увидел. Вскоре въехали в Красноярский край, и я подсознательно выглядывал так понравившиеся мне поля цветущего иван-чая. Не увидел, рано ещё, начало июня, и весна стояла холодная, всё понимаю, а печаль накатила.

Крупные города, где поезд стоит подолгу, стали реже, и мне, как и другим заядлым курильщикам, пришлось завязывать губы бантиком и терпеть по три-четыре часа. Борьба с курением в стране не утихла – могли «застукать» даже между вагонами и оштрафовать, да как-то и стыдновато седому мужику, словно пацану, сидеть на корточках на лязгающих и шевелящихся под ногами стальных пластинах и быстро затягиваться сигаретой, пуская дым вниз, к бешено проносющейся земле, а потом поспешно выскакивать в тамбур и прокашливаться, делая при этом вид, будто стоишь и любишь убагающимися назад пейзажами.

Красноярск. И, как в прежний приезд, идёт дождь. Разносчицу выпечки я так и не дождался, поэтому решил сходить на вокзал, может, куплю чего-нибудь съестного для разнообразия, курица уже надоела и пироги домашние приелись. Вокзал довольно вместительный, но мне он ещё в первый раз показался мрачноватым, хотя в нём немало разных торговых и прочих точек.

Набрёл на одно кафе, а там прямо за прилавком в большущей сковородке пекут блины, купил три, мне их черноокая и пышногрудая сударыня, продавец, подала горячими в бумажной тарелке. На перроне оглядел наш состав, состоящий из семи вагонов, вагона-ресторана не было. На мой вопрос проводница ответила, что его забрали на чемпионат мира по футболу. Так что, если пассажир не запасся в дорогу пропитанием, ему придётся либо покупать «Роллтон» у проводницы по очень завышенной цене, либо хватать в вокзальных и перронных павильонах хоть что-нибудь съедобное, опять же втридорога.

Это одна сторона проблемы, но есть и другая, тоже связанная с мировым футбольным праздником. Сама по себе идея провести в России такое мероприятие замечательна. Простые люди, болельщики, должны общаться между собой непосредственно на трибунах, на улицах города, там, где не довлеет над ними идеология и государственная политика. Если к нам приедет миллиона два-три болельщиков и туристов из самых разных и дальних стран, то они смогут пообщаться с нами, жителями России, чуть-чуть понять нас, приобщиться к нашей жизни, к нашей культуре и традициям, и это будет прекрасно, потому что человека, увидевшего Россию изнутри, будет весьма затруднительно оболванить западным СМИ, а они ещё и донесут информацию до своих родственников, друзей и знакомых.

Безусловно, с наплывом гостей возникнет немало трудностей, их надо кормить-поить, разместить и развлекать. Но мы же готовились к чемпионату несколько лет, строили стадионы, тренировочные базы, прочую инфраструктуру, и это тоже замечательно, хотя бы таким способом хоть что-то построить в государстве, кроме торговых и развлекательных комплексов. Может быть, после чемпионата при разумном руководстве спортивные сооружения будут востребованы. Однако почему не озаботились нехваткой вагонов-ресторанов для собственного народа?

НОВЫЕ ПОПУТЧИКИ

Лежу или сижу, не то что скучно – тоскливо. Поговорить не с кем, да не попусту, абы о чём, с серьёзным бы человеком побеседовать о жизни, работе, бедах-невзгодах, только в таких откровенных разговорах человек и раскрывается пошире да поглубже. Роман почти до самого Красноярска спал, бабуля тоже постоянно в полудрёме, Настя уткнулась в мобильник, боковые сиденья пустовали. Лишь после Красноярска их заняли двое мужчин, оба немолодые, загорелые. По разговору мужиков я понял, что они работают на «железке» и едут на рабочий объект. Работяги, они мне интересны, и я постарался без навязчивости встроиться в беседу.

В Новокузнецке оба бывали, они по работе исколесили полстраны, были не так давно на БАМе в командировке. Серьёзные товарищи, специалисты, управляют железнодорожной техникой, по-моему, рельсоукладчиками.

Зарплата не столь и высокая для профессионалов с большим стажем работы, 30 тысяч рублей, и это не «на руки», а общая, из неё ещё вычтут немало. Командировочные им давно не платят, какие-то путевые или разъездные начисляют, но эти надбавки меньше командировочных.

Сейчас мужики едут на станцию, где будут менять железнодорожный путь во время «окна», работу надо сделать быстро и аккуратно, а они даже не знают, с кем будут работать. Мои собеседники едут из одного места, рабочие-путейцы – из другого, а откуда пригонят технику, они и не знают. Получается, РЖД не выгодно содержать ремонтные бригады постоянного состава, с бору по сосенке собирают на ремонт, поэтому работы часто проводят некачественно, в спешке и без подготовки. Кстати, мужички рассказали, как на участок БАМа, где проводили большие работы, собирали специалистов-путейцев чуть не со всей России. Они и сейчас не уверены, туда ли едут, рации не выдают, а по телефону толком было не разобрать название станции. Да, и это РЖД, которые как только не расхваливают в СМИ.

Жаль, но часа через три мужики сошли, при подъезде к станции они выглядели в окно. На путях, в стороне от нас, стояли платформы с секциями из рельсов со шпалами, путеукладочная техника. Мои кратковременные собеседники узнали своих, мы распрощались. Удачи вам, труженики.

На этой же остановке зашёл китаец. Худой, с сильно выступающими костями под глазницами, из вещей только пакет, сел на освободившееся место, огляделся исподлобья.

Я подумал, раз он едет один по российской глубинке, то должен знать русский язык и решил с ним поговорить:

– Дружище, куда едешь?

Едва я заговорил, на лицо китайца мгновенно натянулась широкая улыбка, будто он закрылся резиновой маской, так же быстро поднялась ладонь на уровень плеча и покачалась влево-вправо, из улыбки выпало:

– Ноу, ноу.

Значит, не понимает по-русски, это печально, хотел послушать жителя Поднебесной и ему что-нибудь сказать.

В Тайшете сошёл Роман, пожелал мне счастливого пути.

Позже я лежал на своей полке и, поскольку китаец находился в поле моего зрения, поневоле наблюдал за ним. Интересные выводы получились

из наблюдений. Русский он знал точно, это я понял по его реакции на некоторые слова Насти, недружелюбные слова. Китаец катал по скулам злые желваки, на замечание проводницы об оставленных в проходе туфлях он маской осклабился и убрал их под лавку. Довольно долго сидел потихоньку, не поднимая высоко голову, и из-под опущенных век оглядывал нас и соседнее купе, цепко, изучающе.

Потом посмотрел на наручные часы, достал из пакета мобильный телефон, стал смотреть в окно, в какой-то момент снял законный пейзаж, через некоторое время повторил операцию. Затем китаец стал играть в телефонную игру. Это можно было понять по его поведению, он быстро работал пальцами, нажимая кнопки, иногда нервно бросал телефон на столик, смотрел в окно, потом снова хватал чёрную коробку, и процесс продолжался. Так ведут себя игроманы, люди больные, рабы своих виртуальных страстей.

В какой-то момент мой сосед всё же выключил телефон, разобрал постель на второй полке, снял ветровку, достал из пакета бутылку с жидкостью, отпил и полез на своё спальное место.

Я подумал, что он собрался спать, однако китаец опять взял в руки телефон и игра продолжилась. Мне было жалко человека, попавшего в тяжелейшую психологическую зависимость, особенно когда увидел, с каким усилием он выключил своего мучителя.

В вагоне погасили верхнее освещение, лишь одна лампа дневного света светила в полнакала, обитатели вагона погрузились в сон, а мне не спалось, думал о китайце, о техническом «прогнесе», который вместо того, чтобы нести людям благо, явно и неостановимо разлагает человечество духовно и нравственно.

Почему-то вспомнилась маленькая деревенька Спицино, там поезд ближе к вечеру простоял одну минуту. Поодаль от пустой бетонной платформы за невысоким штакетником у грядки стояла ширококостная и полногрудая сибирская баба в светлой лёгкой кофте и тёмной юбке. Ноги её широко расставлены. Она из-под ладони смотрела на поезд, а мне показалось, что она смотрит на меня и будто вопрошает: «Куда тебя несёт по белу свету, человек? Чего тебе дома не сидится, не работается? Пора страдная подошла, надо землю обихаживать, семенами засеять её, кормилицу, а вы всё мчитесь, сами не зная куда».

Вполне можно было предположить такой монолог, принимая во внимание её позу. Даже стало неудобно за своё праздное проводимое время. И ещё вспомнил, что название деревеньки – «Спицино» было ниже и мельче написано по-английски.

Память подсказала – а ведь абсолютно все названия, даже крошечных полустанков, на всём пути

были повторены на английском! Спрашивается, для чего? Мысль о толпах иностранцев, прямо мечтающих посетить Спицино, можно отмести сразу как абсурдную. А не причают ли нас, русских, таким способом к языку будущих хозяев?

Русские города уже переполнены англоязычной рекламой, от неоновой и лазерной в столице до вывесок и рекламных плакатов в провинции, молодёжь наша почти поголовно ходит в майках с английскими надписями, отечественные бизнесмены тоже норовят своей компании обозвать по-англицки, теперь вот и до географии добрались.

А не преувеличиваю ли я? Убеждённо сам себе отвечаю: «Нет, не преувеличиваю, скорее даже недооцениваю». Работа идёт по всем направлениям, и русский язык является одним из наиглавнейших. Разве просто так российские банки свои эсэмэски абонентам печатают английскими буквами? Даже православный телеканал «Союз» благодарит за помощь точно такими же буквами!

Вагон плавно покачивается, колёса тихо постукивают. Наплывает сон.

ИРКУТСК ВСТРЕТИЛ НЕПОГОДОЙ

В Иркутске дождь. Всё повторяется, я опять стою под узеньком навесом павильона у вокзала, курю, потом звоню, вызываю такси. Только в этот раз мне ехать не на окраину города, а куда-то дальше, в какое-то Марково. Там меня будет ждать добрая знакомая и одна из героинь моего предыдущего очерка, Татьяна. Мы с ней все эти два года постоянно созванивались, и, когда я собрался ехать в Иркутск, она твёрдо сказала, что остановиться я должен именно у неё. Ну что ж, меня это устраивает. Оглянулся по сторонам и вдруг увидел под навесиком соседнего павильона своего попутчика, китайца, он держал около уха телефон.

Некоторые места узнавал, особенно в центре, но потом пошли незнакомые кварталы. Наконец, город остался позади, после длинного спуска машина свернула налево, у перекрёстка на оранжевом столбе-указателе большими буквами: «Маркова». Я так и не выяснил, как правильно называть «Марково» или «Маркова», где-то обозначают с «а», а где-то с «о». Даже в Союзе писателей мне не смогли точно сказать. Но я буду писать как привычнее: «Марково». Минут через десять езды въехали в посёлок, беленькие весёлые пятиэтажки, большой магазин, и у входа стоит Таня. Она с сумкой и двумя пятилитровыми пластиковыми бутылками воды в прозрачной упаковке. Поздоровались, Таня села в машину и попросила молодого скуластого хмурого водителя довезти нас до трубы. Он, видимо, знал, где это, мы поехали, часто сворачивая то влево, то вправо, но двигались всё время вниз и остановились у тепло-трассы, в том месте, где через трубы перекинут вы-

сокий, в шесть или семь ступенек, металлический мостик с перилами, дома остались сзади и вверху, впереди никакого жилья видно не было.

Я рассчитался с таксистом, и мы, оба нагруженные, тронулись в путь. Моросило, ноги скользили на мокром металле ступенек, если бы не наваренные поперёк арматурины, было бы проблемно подниматься, тем более что руки заняты сумками и нет возможности держаться за перила. Я толком не понимал, куда мы идём, впереди, за мостиком, лежало то ли болото, то ли пойма реки, и неузенькая, на глаз – метров пятьсот до холма на той стороне.

Прошли немного по глинисто-травяному пологому склону и ступили на деревянный тротуар, самый настоящий, из моего детства. Мы пацанами на таком играли весной, он быстрее вытаивал из-под снега, и, когда кругом ещё лежала грязь, доски уже успевали просохнуть и согреться, было хорошо даже просто ходить по ним.

Уже бодрее зашагал по мокрым доскам, не обращая внимания на торчащие кое-где гвозди, а впереди меня ждала речка Кая и мост через неё, кривоватый и шевелящийся под ногами. Но речушка замечательная, быстроструйная, метров пяти шириной, со стайками мальков на отмели. За речкой болотистая пойма ещё долго тянулась до сосняка, поднимающегося на холм и заполняющего весь горизонт. Мы иногда останавливались, отдыхали и говорили. Таня встала спозаранку, напекла блинов и пошла меня встречать, пока внучка спит.

Соснячок чудесный, высокий и светлый, а под ним склон холма порос земляничкой, сейчас она только набирает цвет и радуется глаз. Воротина садового общества открыта, заходим в огороженное низенькой изгородью из редких столбиков с натянутой меж ними колючей проволокой в две нитки садоводчество. Мне неприятно видеть рядом с соснами колючку, но, думается, такая огорожа предусмотрена от домашней скотины, а не от людей. Слева, вдоль ограды идёт в подъём гравийная дорога, направо от неё – лучики улиц, вторая – наша, четвёртый дом справа – наш.

Домик невелик снаружи, но смотрится основательным, приятен глазам светлым тоном стен, обшитых вагонкой. Из живности у Татьяны лишь кошка Люська и троё её детишек в коробке из-под обуви. Котята недавно только открыли глаза и начинают осваивать окружающий мир. Застеклённая веранда, кухня с электропечкой, столом и кроватью у окна. Налево – большая комната, освещаемая двумя окнами во двор, – вот и весь дом Тани. Для одной – с избытком, для супружеской пары – в аккурат, а для детской семьи тесноват будет. Татьяна одинока, муж умер года три назад, не здесь, они тогда жили в Нижнеудинском районе, после его смерти Таня и переехала сюда, поближе к сыну

и дочери, проживающим в Иркутске. На квартиру в городе или Марково не хватило денег, но здесь ей нравится, особенно летом.

Внучка к нашему приходу уже проснулась, но лежала в постели с телефоном. Ей восемь лет, зовут Лера, она светленькая и быстроглазая, гостю рада – свежий человек, с бабушкой ей, видать, скучно. Мы позавтракали, Лера пошла в комнату играть с котятками, а я собрался поговорить с Татьяной, надо решить вопросы проживания и питания. Однако разговор закончился, едва начавшись, Таня решительно пресекла даже попытку заговорить о деньгах, заявив, что я её гость и не надо обижать хозяйку. Мне везёт на хороших людей, особенно в поездках по России, я уже к этому привык и воспринимаю такие отношения как норму, так было в счастливые времена Советского Союза, а вот сейчас это скорее исключение, но, опять же, простые люди в основе своей личностной остались добрыми и честными. Просто существующие в обществе товарно-денежные отношения вынуждают их поступать вопреки совести, и они постепенно меняются.

Часов в десять позвонил Байбородину, и мы договорились, что к тринадцати ноль-ноль я подъеду в Дом литераторов Иркутска. Анатолий объяснил, как добраться, имея ориентиром художественный музей, в котором я прежде бывал, а улица Степана Разина – рядышком.

На улице разненастилось серьёзно, и я мысленно похвалил себя за надетую под мою неразлучную спутницу, кожаную безрукавку, тёплую толстовку.

В пойме ветер, холодный и мокрый, сильными толчками то подгонял меня, то пытался остановить.

Настроение опять свалилось в хандру, всё потому, что путь до остановки автобуса по такой погоде показался долгим и скверным, а о том, что мне теперь почти каждый день предстояло спускаться по скользкой тропинке, задевая мокрые кусты и траву, полкилометра идти по пляшущему под ногами тротуару, подниматься крутовато и долго к шоссе, а там надо было дожидаться автобуса и почти час ехать до города и по нему, старался не думать, а если вспомнить, что вечером всё нужно будет проделать в обратном порядке. Нет, лучше думать о хорошем. И я с усилием переключился мыслями на скорую встречу. Я же еду к писателям Иркутска, очень хотел этого, и меня там ждут.

Помогло, душевная хмарь рассеялась, стало веселее.

Два года назад писательская организация Иркутской области находилась в областной библиотеке. Помню, как искал тогда её, в то время родное помещение, особняк XIX века, был на ремонте более трёх лет и только в этом году его возвратили писателям.

Стою у входной двери, курю от волнения, чувствую себя мальчуганом, которому предстоит встать перед суровыми взрослыми экзаменаторами. Открыл тяжёлую дверь и замер. Представлялся в воображении просторный холл, а передо мной, сразу от порога, вознеслась мраморная лестница во всю ширину пространства, наверху, на площадке, пусто. С робостью начинаю подниматься, медленно, пугаясь собственных шагов в тишине, затаившейся, возможно, ещё с позапрошлого века.

Вдруг наверху возникает круглое лицо, пытающееся быть суровым. И голос с поднебесья:

– Вы кто?

– Я Коняев Виктор Фёдорович из Кузбасса.

– А-а, проходите, только наденьте бахилы.

Лицо пропало из виду. Оглянулся, слева от входа – стул и нечто вроде двух корзин, в одной чистые синие суконные наобувники, а в другой, значит, использованные. Взял пару, напялил на туфли и уже бодрее поднимаюсь. Лицо, так внезапно возникшее наверху, принадлежит охраннику, уже поместившемуся за конторкой, и оно улыбается.

– Проходите. Вас ждут, – рукой показал мне направление.

Паркет, на потолках лепнина. Иду с душевным трепетом. Здесь ходили Вампилов с Распутиным, здесь воздух навечно пропитался духом творчества, духом созидания высокой литературы, а я-то кто в этом особом мире, достоин ли присутствовать здесь?

Мои сомнения оказались напрасны, меня встретили по-товарищески, председатель Союза писателей Иркутской области Юрий Иванович Баранов принял в своём солидном кабинете, говорили о литературных делах, жизни и политике. Стараниями Анатолия Байбородина был организован в каком-то кабинете небольшой стол с бутылкой сухого вина, чаем и лёгкими закусками. Скованность моя ушла, все были приветливы и дружелюбны, так что буквально через несколько минут я был со всеми на «ты», даже с суровым внешне Скифом, оказавшимся приятным и остроумным собеседником.

С часок посидели, но я понимал, что людям надо работать и мне пора откланяться, а очень не хотелось. Анатолий пошёл меня проводить, и мы зашли в Михайло-Архангельский храм, он совсем рядом, его ещё называют Харлампьевским. Благолепие необыкновенное. Меня ещё в прошлый приезд сюда поразили храмы Иркутска, сколь они многочисленны, восстановлены и почитаемы. Мне, жителю промышленного Новокузнецка, это непривычно. Скорее всего, дело в традиции, хотя Кузнецк даже старше Иркутска на три года. Когда вернусь домой, в начале июля, наш город будет отмечать 400-летний юбилей, но почти всю свою историю он был совершенно незначительным городком уездного мас-

штаба. И лишь в тридцатых годах XX столетия получил мощный толчок в развитии, когда советской державе стало жизненно важно построить металлургический комбинат в середине необъятной страны, дабы развивать Восточную Сибирь и Дальний Восток, а также чтобы иметь промышленный узел вдали от возможных атак неприятеля.

Главная история нашего города как крупного не только чисто промышленного, но и административного, да и культурного центра укладывается в советский период, где особого почитания религиозных святынь не было. Конечно, и в Новокузнецке строят новые храмы, восстанавливают старые, но масштабы не те и традиции такой укоренённой нет.

Иркутск-то почитай с XVIII века являл собой основной политический, военный, культурный и духовный центр России начиная от Урала и до самого Тихого океана.

И это замечательно, что его жители чтут традиции, ремонтируют, восстанавливают и содержат, дай Бог, чтобы это помогало им укрепить веру православную, не позволило ей выродиться во внешнее благолепие, в обрядовость без веры, в лицемерное фарисейство, а к этому есть мощное стремление в обществе, скреплённом властью денег. Деньги Бога не потеряют, они его изгонят.

Ещё накрапывало, но немного потеплело, когда я шёл к Художественному музею, чтобы там сесть на автобус до Марково. Вторая половина дня, народу побольше, уже студенты едут с занятий, у них учебный год ещё продолжается. К одной из них я и присел на свободное место. Куда же мне без общения, тем более со студенткой, да ещё и красивой? Аня действительно учится в институте, точнее, в этом году окончила и девятнадцатого у нее защита диплома. Человек занятой, но визитку взяла и обещала что-нибудь из публицистики прочесть. Едет до Лугового, тоже пригород Иркутска, чуть ближе Марково, там они с младшим братом, студентом второго курса университета, снимают двухкомнатную квартиру.

Родом Аня из Тайшета, там живут родители, отец работает шофёром, а мама в детском садике заведующей. Учить и содержать дочь в другом городе им, конечно, нелегко, особенно тяжело было в прошлом году, когда приходилось тянуться на двоих, сейчас будет полегче, Аня пойдёт работать, правда ещё не знает куда, а может, вернётся в Тайшет, хотя с работой там хуже. Белое удлинённое лицо повернуто ко мне, светлые глаза смотрят доверчиво, на ближнем плече каштановый хвост волос.

– А вы мне подарите свою книжку?

Вообще-то не в моих правилах сразу дарить книги, надо хоть немного узнать человека, оценить его читательский потенциал, поэтому я пообещал подарить, если она сначала что-нибудь прочтёт

в электронном варианте и заинтересуется, на том и договорились. Подъезжали к Луговому, Аня пошла к выходу, обещав позвонить в самое ближайшее время.

Когда я вышел в Марково, тучи уползли за горизонт и мир заиграл яркими красками. Весело шагал по удивительному тротуару, настланному прямо в болотистую почву, по гуляющему под весом человека мостику.

Вечером нас пригласили помыться в бане и пообщаться соседи и добрые товарищи Татьяны, Николай Иванович с Надеждой Михайловной. Здесь, как я понял, не обошлось без влияния Татьяны, она давно рассказала им, что к ней в гости приезжает писатель из Новокузнецка, естественно, им захотелось познакомиться со мной. Ну что ж, я не против, если люди хорошие, да и помыться с дороги не помешает.

У моей хозяйки бани нет, а есть лишь кран на улице, рядом лавка, куда можно сложить мыло, зубную щетку с пастой, полотенце и бритвенные принадлежности, вот так всё время моего гостевания я и брился: без зеркала, холодной водой.

Чтобы полноценно помыться, с парилкой, надо обзавестись веником, это хозяева по телефону посоветовали, а Татьяна подсказала, где его можно наломать.

Друзья Татьяны живут на нижней улице, идущей параллельно ограде, на ней всего несколько участков, их – последний, а дальше – колючее ограждение уходит вверх по склону. Веник я заготовил за калиткой, там в окружении сосен растёт несколько молоденьких берёзок, их я аккуратно и «пощипал», без ущерба для здоровья деревьев. Получился неплохой веничек, концы веток обмотал взятым из дома шпагатом.

Слева, сразу у ограды, – миниатюрный, но о двух этажах, домик, с фигурным балкончиком наверху, за домиком – грядки, аккуратно разделенные узкими резиновыми лентами. Выше их, в самом углу участка – баня, а напротив летняя кухня, переделанная из теплицы. Познакомились, и пока Татьяна ходила в баню, мы немного пообщались. Больше говорила Надежда Михайловна, видно, что она в доме хозяйка, дородная и неторопливая в движениях, она смотрелась солиднее шупловатого супруга. Жизнь помотала их по стране, десятка два лет они прожили в Магаданской области, потом оставили север и поехали на Украину, но почему-то не прижились там и, наконец, осели здесь, в Марково, в посёлке у них двухкомнатная квартира, ну и дачку приобрели для прокорма на земле.

Банька тоже, в силу размеров участка, невелика, но всё есть: помещение, где можно раздеться, а после помывки попить чайку, тут и столик с самоваром, и диван, помывочное отделение узкое, зато парная просторнее и натоплена хорошо.

Сидели на летней кухне, хозяйка угощала нас салатами собственного приготовления, по своим рецептам. Объединение, скажу я вам. Хозяин предлагал водочки за знакомство. Когда мы отказались, он достал из холодильника приличную ёмкость с разливным пивом.

Хозяева состоят в союзе пенсионеров Марково и очень хотели, чтобы я провёл у них встречу. Порешили, что после нашей поездки в Нижнеудинск я обязательно встречу с пенсионерами Марково.

Николаю Ивановичу – 73 года, в эти годы человек хмелеет быстро, а он всё рвался проводить нас до самого дома. В лесу вечер наступает скорее, соняк уж полнился предметом, когда вроде бы ещё светло, а окружающие предметы уже теряют чёткость очертаний, в домиках включали свет.

Лера играла в телефоне, а котятки ползали около неё на диване.

Татьяна постелила мне на кухне, и я, довольный рано по летнему времени, отбыл в сновидения, всё же день был весьма насыщен событиями, а они утомляют, когда их много. На свежем воздухе спится просто чудесно, а воздух здесь, в сосновом бору, для меня, жителя крупного города со множеством заводов, просто пьянящий, дрых аж до девяти утра.

В частном доме есть свои неудобства, такие как туалет и умывание на улице, однако летом эти неудобства минимальны и терпимы. После завтрака поехали отвозить Леру к её матери, а потом нам надо на автовокзал за билетами. Мой приезд в Иркутск связан не только с писательскими делами, была у меня давняя задумка побывать в Тофаларии, долине за хребтом Саян, где живут тофы, малый народ, родственник нашим шорцам и хакасам.

Раньше я о них и не слышал, и не предполагал, что сильно захочу с ними познакомиться. Это Таня, неугомонная женщина, она все два года нашего знакомства постоянно говорила мне о необычайной красоте природы Тофаларии, о замечательных людях и предлагала слетать туда. Нашёл в Интернете видеофильмы о Тофаларии и влюбился в неё.

Татьяна немало лет работала заведующей детсадом в Нижнеудинском районе, к которому административно принадлежат поселения тофов, она перед моим приездом провела подготовительную работу, созванивалась с разными людьми из района, узнавала, как туда добраться, сколько стоит перелёт, а попасть в Саяны можно только вертолётom, как часто они летают. Перелёт стоит 1 700 рублей, а рейсы три раза в неделю. Сегодня утром, пока я спал, она смогла дозвониться до завуча школы в посёлке Алыгджер, в Тофаларии. Оказывается, можно позвонить с мобильного телефона на стационарный прямо в школу.

Пока добирались до отдалённого района города, где живёт дочь Тани, пока ехали обратно, в центр,

времени ушло много, на автовокзал прибыли за полдень.

Автовокзал совсем рядом с центральным рынком, здесь я бывал, и всегда меня поражало несоответствие малых размеров вокзала для автобусов крупному областному центру. Поразмыслив, нашёл, мне кажется, объяснение. Большую часть автотранспорта по области власти отдали в частные руки, а бизнесмены отправные пункты маршрутов располагают в удобных для них местах и обходятся без административных зданий, ну а для небольшой части муниципальных автобусов достаточно того, что есть.

На автовокзале посмотрел карту области, меня интересовал Усть-Кут и способ туда доехать. Далеко, на самом севере город, добираться до него аж целых 16 часов на автобусе. Была у меня мысль съездить туда, к своим давним читательницам, с которыми поддерживаю отношения только по телефону, но нет, временем для длительной поездки в столь отдалённое место не располагаю, да и стоит лишь представить многочасовое сидение в одном положении, как всякая охота пропадает. Купили билеты на завтра на одиннадцать часов дня. Тоже ехать девять часов, немало. Столько часов перемищаться на автобусе непрерывно мне ещё не приходилось. Довелось один раз съездить в Барнаул в санаторий в начале зимы на китайском автобусе, поездка длилась шесть часов и ночью, воспоминания не самые лучшие.

Но сейчас-то лето, как-нибудь доедем. В Марково купили две пары бутылей с питьевой водой, оказывается, водопроводная вода в садовом обществе неважного качества, после отстаивания даёт мутный осадок, поэтому Таня для приготовления пищи и питья использует бутилированную.

Ближе к вечеру нас снова пригласила чета друзей Татьяны. Мне было неудобно злоупотреблять гостеприимством пожилых людей, но они настаивали. Сидели опять на летней кухне, оставив входную дверь открытой, душновато в небольшом помещении, на улице-то жара. Николай Иванович показывал фотографии со спортивных мероприятий, которые проводил союз пенсионеров и в которых он участвовал.

Были разговоры о политике, религии, мне кажется, ему хотелось уяснить моё мировоззрение, я его в общих чертах объяснил, а вот жизненную позицию самого Николая Ивановича понять было сложно. Мы с ним потом толковали наедине, спорили чуть не до ссоры, и я позже для себя контурно составил мнение о его личности.

Он много лет жил и работал для материального благополучия своей семьи и себя, зарабатывал деньги и особо не размышлял, книг читал мало, то есть жил в чисто материалистическом сегменте бытия.

Позже, уже на пенсии, начал задумываться, пытался понять произошедшие в стране события, но знаний не хватало, пошёл в церковь, но и в православие глубоко не вникал, принял лишь внешнюю сторону религии. В конце концов в голове у него образовался винегрет, однако он убедил себя, что абсолютно прав во всём, в силу неподготовленности ума к размышлениям окостенел в своём заблуждении.

Хозяева ещё раз просили меня выступить у них в союзе пенсионеров. Договорились на одиннадцатое число.

Перед сном возникла некоторая неловкость, проистекающая из отношения полов. Мы хотя и не молоды, но эта сторона человеческих отношений довлеет над нами всю земную жизнь. Сегодня мы вдвоём в доме, и, видимо, Таня думала о том, как я себя поведу в данной ситуации, ведь знакомство наше в основном телефонное, мы друг друга очень мало знаем, и кто поручится за мой моральный облик.

Таня оказалась женщиной мудрой, она как-то незаметно перевела наш обычный разговор, а мы сидели в комнате, она на диване, а я рядом на стуле, на тему дружбы между мужчиной и женщиной и выразила уверенность, что наша дружба будет искренней и долгой. Молодец, всё было сказано тактично и в то же время ясно. Хотя я никаких помыслов в этом направлении не имел, неловкость совсем исчезла, а наши отношения стали и в самом деле искренними и дружескими.

ОЖИВШИЕ ЗЕМЛИ

На автовокзале незадолго до отправления автобуса мы купили здесь же по пирожку с капустой на пробу, они оказались свежие и вкусные, закупили побольше – путь-то дальний.

Автобус огромный и вроде бы комфортный, даже есть на спинках кресел розетки для зарядки телефонов. А вот расстояние между рядами кресел маловато, ноги толком не вытянуть, неудобство существенное.

Хотя мы ехали на северо-запад, всё равно это юг области, обжитый, довольно густо заселённый, расположенный по трассе Транссиба, мелькали привычные для Сибири пейзажи, и я немного вздремнул, укачанный плавным ходом автобуса. Проснулся, когда въезжали в Ангарск, ближайший город на этом направлении, а дальше было не до сна, больно уж картины открывались привлекательные. Местность здесь в основном ровная и безлесая, по сторонам дороги лежали поля. Я человек любознательный и в своих поездках головой верчу, чтобы не упустить что-нибудь интересное. Пожалуй, впервые моё сердце возликовало – все поля вдоль дороги и, на сколько видели глаза, вспаханы и засеяны, кое-где уже и зелень взошла!

Слышал добрые слова иркутян о главе администрации области Левченко, читал его интервью в газете «Завтра», но то слова, а тут воочию увидел результаты работы команды коммунистов на Иркутской земле. Позже, уже в Иркутске, когда я рассказывал о засеянных полях, разные выслушивал мнения. Говорили, что это китайцы всё захватили, что олигархи скупили все земли и неизвестно, какую гадость выращивают. Ещё много разного высказывали, но я не верю брехне. Думаю, без реальной и серьёзной помощи областной власти было бы невозможно это сделать никаким фермерам. Я же до самого Нижнеудинска видел обработанные поля, а Татьяна, которая в прошлом году здесь проезжала и видела эти поля в бурьяне, была просто поражена переменами.

АГРАРНЫЕ СТРАДАНИЯ

С какой же болью я вспомнил многострадальное поле около моего родного района в Новокузнецке, огромное, вдоль него автобус, следующий в центр города, едет минут пятнадцать, а в ширину оно уходит за линию горизонта, к берегу Томи.

В прошлом году хозяева или арендаторы, не знаю точно, посеяли на нём гречиху. Урожай созрел хороший, поле радовало глаз коричневатой густеющей спелостью колосьев. Но наступил август, и шёл, и длился, а поле стояло необраным. Сначала я подумал, что дожди мешают, но они перестали, а поле всё ждало комбайнов и людей.

В один из выходных я поехал на автобусе в центр по делам, выехали из района, и я увидел скошенную гречиху, она лежала валками, обрадовался, значит, скоро уберут и вывезут. Не убрали, ушла гречка под снег. В этом году, когда я уезжал на восток, на поле только-только появились всходы. Но оно не было вспахано, не было засеяно, знать, вырастет на нём та гречиха, скошенная, но уже наполовину с сорняками. И вот сейчас, когда пишу, а это самый конец августа, оно стоит, бедное, гуще прежнего заросшее гречихой, но уже с сорняками. Горько смотреть, как ветерок гонит волну по никому не нужному полюшку, пригибая высокую серо-зелёную стену, а она упрямо встаёт.

Наша областная власть даёт дотации землепользователям! Может, и тому, кто на этом поле работает, тоже помогали? Чтобы он урожай полезнейшего злака сгноил под снегом?

Я понимаю, не всё в порядке в российском сельском хозяйстве, но неужели до того всё скверно, что выгоднее оставить тысячи тонн зерна необранными, чем тратить на уборку тонны горючего и человеческого труд? Это что же за экономика у нас до сих пор такая, в которой тонна солянки и бензина стоит в несколько раз дороже тонны молока?

Заканчивал материал позднее, в октябре, уже и снежком поле присыпало, теперь уж точно уйдёт

опять всё под снег, на корм мышам, пусть хоть они досыта поедят гречки, раз людям она не нужна.

НА ПУТИ В ТОФАЛАРИЮ

Но это ещё не всё, что удивило меня в дороге. За девять часов езды нам едва ли не четверть времени пришлось ехать по гравийке на объездах. В стороне мы видели большое дорожное строительство, в нескольких местах стояли настоящие асфальтовые заводы, передвижные, компактные, в окружении целых гор песка, щебня и других материалов.

Проехали Черемхово, Зиму, города, знакомые мне по истории Гражданской войны. Погода стояла хорошая, солнышко грело, облака набегали, но обошлось без дождя. На закате въехали в тайгу, густохвойную, непродённую, как борода мужичка-лесовичка. Неширокая дорога казалась узеньким прорубом в чащобе, готовой сомкнуться за ближайшим поворотом. Но тайга скоро кончилась, мы подъезжали к Нижнеудинску, а слева вдаль поднимались над горизонтом страшноватые даже на вид отроги Саян, где-то там, за ними – Тофалария, куда мы стремимся попасть.

Татьяна на подъезде к городу с кем-то созванивалась, и, как я понял из разговора, нас должны были встретить и определить на ночлег.

Вышли на окраине, узкая дорога уходила с уклоном к городу, вдаль видны строения, а здесь железный навес остановки, за ним – длинный забор из покрашенных досок, через дорогу – магазин. Пусто, прохожих нет, одно солнышко с нами, но не всё, край его над горизонтом. Стоим, ждём.

Таня сказала, что за нами придут через десять минут, смотрю на часы, курю. На той стороне зданий нет, значит, человек придёт или со стороны забора или с другой, из-за поворота, около которого двухэтажное здание. Как раз оттуда вышли две девчушки, подошли, перешли дорогу, потолкались около магазина и удалились туда, откуда пришли. Стоим, всматриваемся в редких прохожих, солнце скрылось, скоро будет темнеть, возникает беспокойство. Минут через двадцать по моему настоянию Таня звонит, и выясняется, что те две девчужечки, ходившие туда-сюда, как раз и были посланы за нами, но не узнали, а спросить постеснялись.

Теперь нам по подсказке собеседницы Татьяны надо самим добираться. Идём к повороту, сворачиваем и, пройдя совсем немного, справа видим высокий забор из досок, поставленных стоймя, а внутри огороженного пространства возвышается деревянный трёхэтажный корпус школы-интерната № 5. На вахте пожилая утомлённая женщина подсказала, куда нам идти. Длинный коридор ветшающего здания со скрипучим облезлым полом, потом по крытой галерее проходим в другой корпус, и здесь на втором этаже у двери одной из

комнат нас встретила Елена Владимировна, Лена, та, с кем Татьяна разговаривала по телефону. Не-высокая, плотно сбитая, с короткой стрижкой чёрно-смоляных волос, несмотря на полноту, очень подвижная. Елена на самом деле заместитель директора по воспитательной работе средней школы в посёлке Алыгджер из Тофаларии, в Нижнеудинск она прилетела с учениками девярых и одиннадцатых классов для сдачи ЕГЭ, и как раз завтра часть ребят и она улетают домой.

Нормально поговорить не дают ученики, её постоянно отвлекают и куда-то зовут. Лена провела нас в комнату, здесь две кровати, а в углу при входе свалены рюкзаки и сумки, предложила отдохнуть. Она, как только освободится, определит нас на ночлег.

Когда она вернулась, мы пошли пить чай с печеньем в комнату отдыха, это в другом конце длинно-сквознякового коридора. Сидели втроём, пили чай, ели конфеты, которые приносят родственники учеников, конфет много и печенье есть, маленько перекусили, мы же ничего не успели купить съестного, как приехали. Рассказывали о себе, а Елена – об учениках и своей школе, иногда заходили ребята и девушки, вроде бы к Елене, но с любопытством смотрели на гостей, кое-кто присаживался на единственный диван. И вдруг у меня возникла мысль собрать их всех вместе и поговорить. Елена сразу загорелась идеей и поручила двум девочкам позвать учеников.

Всё получилось великолепно.

Мы с Еленой и Татьяной сидели на стульях у стола в правом углу большой комнаты, ребята расположились кто на диване, кто-то на принесённых стульях, а некоторые стояли.

Конечно, ученики поначалу стеснялись, они же впервые видели писателя, и для них, юных жителей глухих деревушек за горным хребтом, редко бывавших даже в Нижнеудинске, это было событием, но я старался вести себя попроще, вспоминал свои школьные годы, и ребята раскрепостились, даже задавали вопросы. Часа полтора беседовали, пока Елена не отправила молодёжь спать, им завтра рано вставать. Мы ещё посидели, с нами остался Паша, помощник Елены, молодой педагог, только что окончивший институт, интересный парень. Он задавал мне во время встречи весьма непростые вопросы. Выглядит Паша очень молодо, и я принимал его вначале за ученика одиннадцатого класса. И вдруг в разговоре выясняется одно очень неприятное обстоятельство. Оказывается, если мы завтра, восьмого числа, улетим в Алыгджер, то вернуться сможем лишь тринадцатого, в выходные и предстоящий праздник, День России, вертолёт не летает, а с учётом не совсем утешительного прогноза погоды на следующую неделю

весьма вероятно возможность застрять в Тофаларии надолго. Это удар для меня. Если встречу в Союзе пенсионеров можно перенести, позвонить и предупредить, то представление второго номера журнала «Сибирь», на котором мне нужно быть непременно, не отложишь. Я посоветовался с Татьяной, она считает, что нужно отказаться от полёта. Мы объяснили Елене, почему меняем своё решение. Она расстроена моим отказом, уговаривает, обещает, что я не буду скучать, если рейс отложат даже на две недели, меня свозят на рыбалку, сводят на охоту. Я понимаю, что буду горчайше сожалеть впоследствии об упущенной возможности познакомиться с Тофаларией, но вынужден так поступить, в данном случае мне важнее дела литературные.

Таня будет ночевать в комнате Елены, а меня определили в комнату с Пашей и одним учеником, выдали чистый комплект белья. Туалет общий на первом этаже с одним исправным унитазом из четырёх, там я, украдкой и стыдясь, покурив в форточку, интернат на ночь закрыли и выйти на улицу нет возможности, а проклятая привычка обладает большой властью надо мной.

Молодой учитель и ученик, мои соседи по комнате, пожелали спокойной ночи, а сами ушли якобы в гости, а потом, когда ещё я не спал, по очереди тихо зашли и забрали свои подушки и одеяла. Ученик погасил свет.

Как же давно я не ночевал в общежитии! С самой юности, со студенческих лет! И был бы сон мой сладок, как в те счастливые времена, если бы не горечь сожаления о невозможности полететь за горный хребет.

Утром нас вместе с учениками накормили завтраком в столовой на первом этаже. Каша перловая, горячая ещё, штука питательная, а кусочек хлеба с маслом к чаю завершили насыщение. Это всё Елена, она позаботилась о нас.

Мы поехали вместе с учениками и Еленой на такси до аэропорта, хотелось проводить ребятишек, пожелать доброго пути.

Однако назвать аэропортом то, что увидели, разум с непривычки отказывался, а бревенчатая изба с трудом ассоциировался с аэровокзалом. За двумя могучими лиственницами начиналась сетчатая ограда, через неё можно было видеть один-единственный белый с синей полосой вертолёт. Поле, правда, большое. За вертолётной площадкой угадывалась взлётная дорожка, но не бетонная, а грунтовая, а слева, почти за углом деревянных построек, стоял самолёт, небольшой, тоже белый, чистенький, но вид у него какой-то неживой, скорее всего, в небо он не взлетает. Был когда-то приличный аэродром, об этом свидетельствуют два самолёта на постаментах при входе на территорию, да весь вышел.

Процедура покупки билетов весьма длительная, маленький залец забит желающими улететь, в основном тофами. Оказывается, потом ещё будет взвешивание багажа, в общем, ребятам с Еленой придётся до посадки провести здесь не один час. А над Саянами облака, здесь белые и пушистые, темнеют, собираются в зловещие сгустки ненастья, так что неизвестно ещё, состоится ли рейс. Но на вертолёте появился пилот или механик, он открывает какие-то люки, что-то делает, значит, есть надежда. Но нам с Таней пора, мы собрали учеников под красавицей лиственницей и сфотографировались с ними. Я обещал им предположительно через год приехать и подарил по книге в каждую из трёх школ Тофаларии. Печально расставаться, едва познакомившись, и досада точит сердце, что не увижу верховья реки Уды, там кристально чистой, не вдохну до звона прозрачного воздуха, не побеседую с людьми, чьи души ещё не успела тронуть гнилью тлетворная мораль потребления. Хотя попытки к хищническому освоению богатств Тофаларии уже предпринимаются, а значит, и к растлению местного населения.

Мне успели рассказать, что в отдалённом уголке их края, в самом верховье Уды побывали московские «гости», и там полузаконно, а может, вообще незаконно начинают втихую разрабатывать богатейшее месторождение золота, в котором очень высок процент драгоценного металла.

НЕСГИБАЕМЫЕ ЛЮДИ

На автобусе мы добрались до центра Нижнеудинска, проехали по мосту через Уду. Небольшой, малозэтажный, явно ветшающий, что неудивительно, если принять во внимание факт утраты им статуса город, сейчас это просто муниципальное поселение. Но мне Нижнеудинск понравился, уютный он, неспешный. Время подошло к обеду, и Татьяна повела меня в знакомое ей кафе, там мы недорого пообедали, приготовлено всё домашнему вкусу.

Я спросил, куда мы дальше двинемся. Таня лукаво улыбнулась: «Я сделаю тебе сюрприз». Мы шли довольно долго, петляли между пятиэтажками, похоже, моя проводница заблудилась, но вот подошли к торцу очередного дома около пустыря. Крылечко, обшарпанная дверь, входим. Узкий коридорчик.

– Таня, ты куда меня привела?

– А ты разве на двери табличку не видел?

– Нет.

– Ты же поддерживаешь коммунистов, вот мы и пришли в городской комитет КПРФ.

Она открыла дверь, в маленьком кабинете за столом сидела очень немолодая женщина с тёмным лицом и в очках. Так я познакомился с Олимпиадой Ефимовной. Она из породы несгибаемых коммуни-

стов, не способных продать свои идеалы даже под страхом смерти.

В молодости получила образование в Иркутском педагогическом институте, позднее окончила ещё и госуниверситет по специальности «Экономическая география». Много лет учительствовала в младших классах, заведовала районо, 12 лет была первым секретарем Нижнеудинского городского комитета КПРФ. Она и сейчас в строю – секретарь КПРФ по организационной работе.

Олимпиада Ефимовна узнала Таню, хотя лет прошло немало с их последней встречи, улыбка здорово молодила её лицо, рада знакомству и со мной.

Вначале разговор втроём шёл как-то вяло, наверное, им надо было сначала наговориться вдвоём, повспоминать прошлое. Очень кстати Татьяна подсказала мне, что, если пройти по коридору, можно попасть в городскую библиотеку. Ну а как же не попасть, это же для меня важно, и я пошёл. В конце коридора – дверь, за ней помещение со стеллажами, их много и все заполнены книгами, неплохо для города, ставшего поселением. Библиотекарь, молоденькая девушка с косой, удивлённо смотрела на меня, зашедшего с тыльной стороны, но подсказала, как пройти к заведующей. Часа полтора мы проговорили с Татьяной, женщиной интересной и как представительница прекрасного пола, и как человек думающий, да и книголюбка она серьёзная. Я даже сбегал в кабинет к Олимпиаде Ефимовне за книгами, ещё бы сидел, но заходили люди, понимал, что отнимаю время, с сожалением попрощался.

Вернулся в КПРФ, Татьяны нет, побежала кого-то повидать, бывает-то в городе редко, надо пользоваться возможностью.

Олимпиада Ефимовна угощала меня чаем и печеньем, расспрашивала о моём творчестве, книгу для партийной организации я подарил. Потом я её спрашивал. Она много раз бывала во всех трёх деревнях Тофаларии, кстати, между ними тоже только воздушное сообщение, дорог там практически нет. Летала Олимпиада Ефимовна туда сначала по учительским делам, в последние годы – по партийным. Зубы у меня непроизвольно сжимались от гнева, когда старая мудрая женщина рассказывала мне, как районные чиновники и коммерсанты возили туда на вертолёте водку и спирт флягами, меняли на рыбу и икру ценных пород, мясо кабарги и изюбря и вывозили в этих же флягах. Длилось это годами, в результате тофы, охотники и рыбаки, превращались в алкоголиков, распадались семьи, и рушился традиционный уклад жизни малого народа. Сейчас там практически не осталось охотников-профессионалов и традиционного ничего уже нет, так, показуху устраивают для приезжих гостей, по-

танцуют, попляшут перед камерами в национальных одеждах.

Пришла моя спутница, тепло распрощались с Олимпиадой Ефимовной, хотя она сказала, что, возможно, мы ещё сегодня встретимся, она позвонит.

На такси добрались до окраины города, автобус в этот район ходит один раз в час, и он перед нами ушёл. Здесь живёт сватья, сын Тани был женат на дочери Галины, но брак их детей давно распался, однако они поддерживают добрые отношения. Дело-то в том, что завтра Татьяна будет встречать приезжающих из отдалённого посёлка двух своих внуков, детей второго сына, умершего несколько лет назад. Снохе с двумя мальчишками живётся нелегко, и бабушка берёт их летом к себе месяца на полтора-два. У Тани отпуск большой, она воспитатель в детском саду, будет отдыхать чуть не всё лето, так что у мальчишек времени достаточно, чтобы надоесть.

Дом в проулке, заросшем травой, смотрелся вполне по-деревенски – отгороженный дощатым заборчиком огород, крытое крылечко половинки двухквартирного дома, слева, за гниловатым штакетником – двор со стайкой и баней, а около стайки будка, рядом с ней стоит и яростно меня облаивает красивый статный пёс по кличке, как потом узнал, Джек.

Сватья Галя, по словам Тани, сильно болеет в последнее время, что-то в женской природе у неё разладилось, через неделю ей необходимо ехать в Иркутск на операцию, но бодрится, принялась хлопотать, готовить угощение. Татьяна помогла ей, перекусили, отдохнули пару часов и снова двинулись в путь. В торговом центре должно пройти интересное мероприятие, этнографический музей Тофаларии организовал выставку предметов народных промыслов, одежды и быта тофов, а также будет показано кое-что из народного творчества.

Татьяну пригласил кто-то из здешних знакомых, а уж она меня уговорила. Хотя особого желания не было, я же понимаю, что это всё постановочное действие, рассчитанное на развлечение невзыскательного покупателя, к тому же владельцам центра от этого прямая выгода – реклама собственного заведения. Пошёл из уважения к работникам музея, думаю, они искренне желают хотя бы таким способом познакомить людей с культурой древнего народа.

Сначала шли пешком по обочине дороги, потому как опять опоздали на автобус. Таня шибко долго собиралась – беда с этими дамами, желание выглядеть красивой, даже в противоположной от юности поре, часто подводит их.

Прошли мимо нефтебазы, пыльная пустая дорога, предвечерняя жара – всё это не прибавля-

ло оптимизма. Нас подхватил частник, армянин на советской «шестёрке» за столытник согласился подвезти. Армяне – общительные мужики, мы, хоть и коротенько, но успели пообщаться. Из разговоров с армянами, конечно, не коммерсантами, а простыми работягами, можно понять, что все они любят Советский Союз и сожалеют о его безвременной кончине.

Представление должно было начаться на входной площадке и на лестнице центра, народ потихоньку собирался. Здесь же находились и самодеятельные артисты, но почему-то большинство в русских национальных костюмах.

К нам подошёл высокий, худой, черноволосый парень, в очках и с микрофоном. Спросил, кто мы и как относимся к предстоящему мероприятию. А Татьяна возьми да и скажи ему, что я писатель из Кузбасса. Пришлось давать интервью городскому телевидению, позже ещё и корреспондент одной из местных газет, симпатичная черноволосая сударыня, возжелала кое о чём расспросить заезжего литератора.

Артисты исполняли русские народные песни без аккомпанемента, а в конце выступления жгучая смуглянка спела что-то печально-трогательное на языке тофов.

Затем всех пригласили пройти в здание, в холле на столах разместили предметы быта, утварь, охотничьи принадлежности, одежду и культовые изделия. Пришла Олимпиада Ефимовна, познакомила меня с директором музея и ещё с некоторыми достойными людьми. Всем было интересно меня послушать, много фотографировали.

При расставании Олимпиада Ефимовна очень просила завтра перед отъездом позвонить ей, она хотела проводить нас, мы обещали.

Купил здесь же, в торговом центре, разливное пиво и рыбу. Подумал, что надо как-то отблагодарить Галю, нашу хозяйку. Вечером втроем сидели, женщины больше говорили между собой, я слушал, наблюдал и думал.

Как иной раз интересно пересекаются человеческие жизни. Мог ли я всего месяц назад предполагать, что совсем скоро буду сидеть на кухне частного дома на полудеревенской окраине милого города Нижнеудинска и слушать беседу двух немолодых женщин, разговоры о прожитых годах, детях, болезнях и жизненных невзгодах. А вот сижу, слушаю, и в сердце у меня благодать, оттого, наверное, что сопереживание, сопричастность к судьбе этих ставших мне родными людей разрушает коросту себялюбия, в которую закованы наши души, и моя в том числе, и становишься способным полюбить ближнего, как самого себя.

Из разговора я кое-что понял о Галине. Трудяга она, это даже видно по её хозяйству. Она, серьёз-

но больная и глубоко немолодая, ей уже семьдесят, одна лопатой вскопала весь огород, соток, пожалуй, шесть, если считать с участком под картошку, всё посадила, в доме убрано, чистенько. И не то чтобы ей много надо, просто привычка многолетняя. То, что уродится на земле, отдаёт в основном дочерям, которые не очень-то и помогают больной матери, заняты, жизнь-то вон какая жёсткая, только успевай крутиться да деньги зарабатывать.

Пришла эсэмэска от Ани, она спрашивала, когда я приеду. Позвонил, обещал встретиться, как только вернусь в Иркутск.

Джек – пёс умный. По молодому задору полаяв, уходил в будку, не препятствуя мне пройти. А потом, как только я возвращался за хилый штaketник, выскакивал и весело скалил в лае молодые серьёзные клыки.

Постелили мне в большой комнате на диване, хорошо выспался. В этот день я никуда не выходил, А Таня ездила на встречу со старинной приятельницей. Мы с Галей готовили обед, и я слушал рассказ о её жизни. С Джеком к обеду мы уже вовсе приятно общались. Стоило мне появиться на крыльце с сигаретой, он тотчас же выскакивал из будки и радостно крутил кренделеобразным хвостом.

Под вечер Таня поехала на железнодорожный вокзал встречать внуков, и вскоре я с ними познакомился. Вадиму – около пятнадцати, но ростом он уже почти с меня, угловатый, с настороженным взглядом в тёмных глазах. Андрюшке – десять, застенчивый и неразговорчивый, видимо, из-за не очень разборчивой речи. Приняли они меня вначале неласково, да их и понять можно. Неожиданная перспектива прожить сколько-то дней в небольшом доме с чужим пожилым мужиком их не обрадовала. К тому же они не до конца понимали, кем я довожусь их бабушке.

Думаю, здесь сыграла свою роль обычная неразмышляющая детская ревность. Но ничего, надеюсь, всё устроится и мы найдём понимание.

Сборы, прощание с Галей и Джеком, в десять часов вечера тот же таксист, армянин, встретил нас с золотозубой улыбкой и повёз на автовокзал. Олимпиаду Ефимовну мы ждали до последнего. Подумали, она по старческой беспамятности просто забыла, а может, устала сильно, не до проводов ей. Но когда Таня уже на ходу позвонила, то выяснилось, что она просто не успела доехать до автовокзала, стоит на остановке, а местный автобус так и не пришёл. Попрощались с ней устно, поехали.

Автобус – отечественный, без всяких наворотов, зато сидения пошире, а то я опасался, что опять буду прижат к окну нехудошавой спутницей. В автобусе ночью нам всем спалось неважно, пацаны и те дремали вполглаза, выходили на остановках, покупали беляши и газировку.

В Иркутск приехали в шесть утра. На улице прохладно, зашли гурьбой в кафе напротив автовокзала, оно работает круглосуточно. Позавтракали, а потом я курил с кофе на той самой лавочке, где делал это в предыдущий приезд, когда отправлялся на Ольхон и приезжал с него.

Дождаться рейсового автобуса было долго, мальчишки клевали носами, и мы вызвали такси. В Марково загрузились продуктами и водой.

СТРАННАЯ АНЯ

С Аней мы встретились днём в парке имени Кирова. Бывал я там раньше, красивое место, много цветов и зелени. Часа два с лишком просидели на лавочке. Место выбрали в тени деревьев, солнышко изрядно припекало, но наш выбор оказался удачным и когда из налетевшей невесты откуда тучки коротко сыпануло мелкими каплями дождя. Всё вроде было замечательно, она слушала меня с неподдельным интересом и о себе рассказывала, кажется, откровенно, но ощущение странности этой встречи присутствовало во мне. Хотя, возможно, сейчас, анализируя прошедшее и зная, что было потом, я задним числом считаю встречу странной.

Сидели, значит, говорили, девица она весьма привлекательная, а мы, мужики, даже и в годах, казалось бы, не располагающих к волокитству, иногда встрепёнываемся, как отбракованный строевой конь при звуках боевой трубы. Я говорил ей комплименты, которые должны звучать для молодой женщины волшебной музыкой. Она улыбалась во весь свой молодой рот. И тут у меня непроизвольно вырвалось: «Эх, будь я лет на ...дцать помоложе...» Недосказал, хотя дальше прозвучало бы примерно следующее: «Я б за тобой поухаживал». Однако у Ани в глазах чёрная тень мгновенно накрыла смешливость, мгновенно и ненадолго, но я увидел и продолжение фразы сглотнул.

Дальше опять было всё нормально, я подарил Ане вместо одной книги три. Одну лично ей, одну в Тайшет в библиотеку и одну в город Шелехов, там у нее тётя живёт.

Пора было расставаться, ей надо заниматься. Мы перешли через дорогу, в павильоне я купил себе кофе, а ей взял мороженое.

Договорились на днях встретиться. Она конкретно день не называла, но до девятнадцатого, до дня защиты диплома. Я приглашал её на представление журнала «Сибирь», вроде она не против, точнее скажет позже. С тех пор я её больше не видел. Звонил, звонки обрывались, на мою эсэмэску ответила, мол, занята подготовкой, просила извинить, а потом ни ответа ни привета.

До сего времени не могу понять, почему она так поступила. У ней что, единственной целью встречи было желание получить книги? Не такой уж я из-

вестный писатель, чтобы стремиться заиметь их. А вдруг я своей неуклюжей фразой всё испортил? Может быть, в её короткой жизни уже имел место негативный опыт общения с мужчинами, однако в сказанном мною не подразумевалось ничего плохого. Не знаю и теперь уже никогда не узнаю, потому что после очередного звонка, позже девятнадцатого, удалил её номер из телефона.

Тогда Аня уехала, а мне спешить было некуда, и я отправился пешком к Центральному рынку. Там раньше обычно перекусывал беляшом или чебуреком и запивал Колчаковским (хорошо хоть пока не Семёновским или Врангелевским) квасом.

Я уже писал в предыдущем очерке об этом агенте британской разведки, так что повторять не буду, хочу лишь заметить, что было у меня желание посетить Знаменский монастырь, но стоило вспомнить о памятнике «верховному правителю» прямо напротив ворот обители, как желание пропало – осквернили святое место.

Между Центральным рынком и стоящей напротив огромной бетонно-стеклянной коробкой торгового центра – небольшое пространство, занятое преимущественно рядами продающих зелень, овощи, фрукты, орехи.

Мне ещё раньше понравилось одно местечко, здесь торговый центр образует выступ, и рядом – небольшой свободный пятачок, вот тут я обычно съедал беляш, одновременно наблюдая за снующими туда-сюда людьми. Потом курил, как раз поблизости стояла большая урна с пепельницей сверху, за спиной находится общественной платный туалет. После перекура шёл пить квас и затем двигался по обдуманному за время перекуса маршруту.

Вот и теперь взял беляш, пересёк торговые ряды и вдруг увидел этого человека. Он сидел на второй снизу ступеньке небольшой лестницы, ведущей в самый угол выступа, где над красивой пластиковой дверью белыми буквами было написано: «Связной».

На нём – тёплая куртка с капюшоном, под ней – коричневый свитер, тёмные брюки, на ногах – зимние ботинки, незашнурованные, с откинутыми в сторону язычками с меховой подкладкой изнутри. На вид мужику лет тридцать, может, чуть больше, худое, длинное, очень смуглое лицо, чёрные, по виду жёсткие волосы на узкой голове, постоянно находящейся в движении. Он откусывал от булки, зажатой между высоко поднятыми тонкими ногами, потом, жуя, двигал безостановочно головой в разных направлениях, нигде не задерживался надолго. Чуть в стороне от него стояли две молодые женщины, одна – в светлом платье в горошек, другая – в оранжевой майке и джинсах. Они о чём-то весело болтали, иногда со смехом, не обращая на человека в зимней куртке ни малейшего внимания.

Меня он заинтересовал, и я постоял, пытаюсь увидеть его глаза. Дождь. Он скользнул по мне мимолётным взглядом, но и этого хватило – в нём жила отрешённость от нашего мира, то, что обычно называют безумием.

Я отошёл ближе к урне, жевал свой перекус и иногда поглядывал в его сторону, хотя с моей позиции сидельца частично скрывал куст акации. Потом в своих пеших прогулках по городу я всегда заходил на рынок и обязательно подходил к безумцу. Он стал мне добрым знакомым, с которым я непосредственно не общался, но, увидев его, про себя непременно говорил: «Ну здравствуй, приятель!». Он всегда сидел на одной и той же ступеньке, всегда в одной позе и в одной и той же одежде. Он не побирался, а просто сидел, вертел подрагивающей головой и думал о чём-то своём, мне недоступном.

Однажды его не оказалось на месте, и меня это ощутимо расстроило. Его не было и в следующий раз, и опять кольнуло в сердце. А когда в третий раз я увидел его на обычном месте, стало радостно, словно встретил товарища, которого потерял, переживал за него и наконец-то увидел снова.

СОЮЗ ПЕНСИОНЕРОВ

Сегодня я второй раз еду в Дом литераторов, Анатолий позвонил и пригласил. Скверик через дорогу от особняка уже становится местом моего сосредоточивания перед тем, как открыть дверь.

Я пока не привык к внешнему виду Байбородина, поскольку лично раньше мы не встречались. Видел я лишь его фото, там он с густой бородой, оттого и вид у него достаточно свирепый. А при встрече он оказался без бороды, в щетине, сейчас это модно, но всё равно вид другой, помягче малость, он невысокий, но коренастый, неторопливый в движениях.

Юрий Иванович Баранов выдал мне четыре журнала, по два мне и Раевскому, я за эти журналы даже в какой-то ведомости расписался. Потихоньку привыкаю к новым людям, да и отчего же не привыкнуть, если встречают меня очень доброжелательно. Байбородин провожал меня до самого Центрального рынка, а там мы зашли в кафетерий и под кофе вели беседу.

Мне с ним интересно разговаривать, надеюсь, что и ему тоже, но некоторые моменты в его речах смущают. Дорогой сюда он указывал мне улицы, названные в честь деятелей революции и мирового коммунистического движения. Вспоминал прежние названия, причём о деятелях отзывался крайне отрицательно, а о тех, в чью честь улицы были раньше названы, – с восторгом. Для меня такая позиция не во всём приемлема, надо же рассуждать и не хаять всех огульно или восхвалять. Но есть и другой момент. Мне его религиозность показалась немного искусственной, нарочитой, многовато он говорит

об этом и всё в превосходных степенях. К тому же Анатолий полностью одобряет политику церкви, не Церкви Христовой, а административного органа управления церковной жизнью, а там много разного люда, хватает экуменистов и модернистов, а то и вообще неверующих. Возможно, я ошибаюсь в нём, ладно, дальше видно будет.

Ещё б сидели, Таня позвонила, нам же в пять надо быть в Марково, в союзе пенсионеров. Ой, заболтался и забыл, бегу на автобус.

С четой наших приятелей встретились у входной калитки садового общества. Мы с Николаем Ивановичем пошли впереди, дамы чуть поотстали. Спустились с холма. Внизу стоит одинокая раскидистая берёза, дальше, до начала тротуара, зеленела мягкой травкой поляна. И тут я заметил, что вокруг берёзы, у самого комля в два витка намотан стальной канат диаметром миллиметров 16–18. Это примерно толщина двух сдвоенных пальцев взрослого мужика, канатная обмотка враз сравнилась в моём сознании с удавкой на шее девичьей. Тошнотное чувство! Канат от берёзы по траве тянется к тротуару, здесь он прибит скобами к поперечному бруску, и тоже обмотан вокруг него.

– Это чтобы половодьем не унесло? – спросил я у Николая Ивановича.

– Ну да, – подтвердил он, а дальше добавил поразившее меня.

Во дела! Канат служит ещё и препятствием для воров, уже утаскивали тротуар целыми звеньями, особенно вот эти, самые ближние к садоводству. Это что же получается? Сами здесь живут, сами ходят по нему и сами же воруют? У себя?!

Дальше я стал расспрашивать спутника о том, кто отвечает вообще за этот маршрут, кто выделяет деньги на его ремонт, кто следит за безопасностью передвижения людей?

Безрадостный ответ, хотя, наверное, легко предсказуемый. По всей стране небольшие поселения живут с жесточайшей нехваткой денег. Хозяйина у тротуара, и тем более моста, нет. Поселковая власть выделяет крохи, до городской не дотянуться, поэтому основная работа делается энтузиастами. Кто-то приносит доски, заменяет сгнившие, кто-то поправляет перила, а кто-то их красит. Мы как раз подошли к мосту, ступили на него, с этой стороны чтобы двигаться, желательно держаться за доску, прибитую к стойкам и служащую перилами, мост-то наклонен в нашу сторону. А почему? Всё же я очень ненаблюдательный или думаю постоянно о чём-то отвлечённом. Только сейчас увидел, точнее обратил внимание на бетонную балку, она лежит поперёк речки, у противоположного берега близко к основанию моста, а здесь отнесена течением метров на пять, поперёк балки зацепилось полусгнившие бревно. Получается, балка слу-

жила одной из опор моста, и сейчас он, как одноногий калека, неустойчив. Я быстро прошёл мост, прыгнул на балку и заглянул под него. Так и есть. Подошёл мой спутник.

– Вот вы постоянно говорите о спортивных достижениях своего союза пенсионеров, о его влиянии на общественную жизнь, а может, пора это влияние направить на местную власть, заставить её построить настоящую дорогу с хорошим мостом! Здесь же ходят старые люди, дети! Это же позорище, рядом с таким красивым, благоустроенным посёлком и под боком у областного центра! Николай Иванович, поднимите этот вопрос у себя в союзе. В садоводстве всё лето, а многие и круглый год, проживают сотни, даже, наверное, тысячи людей. Да как же можно терпеть такое? Ждёте, когда кто-нибудь покалечится?

Николай Иванович смущён и начал долгий монолог о финансовых трудностях Марково, о том, какие же надо деньги, чтобы проложить через заливаемую пойму дорогу на сваях. В конце он вдруг сказал мне: «Вы же публицист, напишите об этом, пусть вся страна прочитает, может, тогда обратят внимание».

Наивный человек, он, наверное, не понимает, что наплевать сейчас всем на какую-то статью. Но я ответил:

– Напишу, конечно же, напишу, но не факт, что мой материал где-нибудь опубликуют, а даже если опубликуют, тиражи-то у журналов нынешних крохотные, никто и не заметит. Это вам не Советский Союз.

В общем, понял я, что союз пенсионеров не хочет и не будет создавать себе головную боль, в его задачи входит скрашивать серые будни пенсионеров, развлекать и отвлекать.

Мы шли через пойму, высокие кочки, заросшие жёсткой узколистной травой, тянулись далеко в стороны. В иных местах под ними поблёскивала вода и валялись пустые пластиковые бутылки. Тротуар настлан на обрезки старых шпал, уложенных прямо на кочковатую землю, а за поймой уже хорошо видны красивые коттеджи, они ближе, за ними стоят ряды белых пятиэтажек.

Сначала мы зашли в двухкомнатную квартиру наших друзей, им очень хотелось показать, как они живут. Показали, уютно, даже комфортно, по местным стандартным немало книг в шкафах. Помещение, где обосновался союз пенсионеров, недалеко, в подвале жилой пятиэтажки. Николай Иванович с удовольствием рассказывал, как они обустроили помещение своими силами. Низковато и при входе, и внутри, особенно в проёмах между комнатами, из потолка выходит канализационная труба и уходит в пол, несколько отопительных труб проложены вдоль стены.

Познакомились с председателем, высокой, полной и довольно ещё моложавой женщиной в синем белом лёгком костюме. Провели нас в другую комнату, по стенам – полочки, шкафчики, а сами стены выкрашены светлой краской.

Здесь мы и общались, на лавках сидело человек пятнадцать женщин возрастом от бальзаковского и старше. С часок они меня слушали, потом задавали вопросы, подарил союзу пенсионеров книгу, а мне подарили аж три, не художественные, конечно, – сборники разных документов и статей. Потом в первой от входа комнате, обшитой орехового цвета панелями, все мы пили чай с пирожными, домашними пирожками и конфетами. Местная поэтесса Людмила читала свои стихи, кстати, хорошие, я даже посоветовал ей обратиться в областной журнал, может, опубликуют. По просьбе дам и я прочитал стихи Есенина и Блока.

Закончилась встреча хорovým пением, пели русские и советские песни, душевно пели.

Разговоры о тротуаре я не стал заводить, было не к месту.

Дома Таня попросила меня установить палатку, чтобы мальчишки могли там отдыхать и играть, а то они своей резвостью что-нибудь обязательно разобьют в комнате. Пацаны помогали, Вадька-то здоровый уже парень, а без них я бы, пожалуй, и не справился, никогда не приходилось иметь дело с китайской палаткой, а они, оказывается, знают, как она ставится. Радость им большая, пацаны тут же притащили матрац и начали спорить, кому первому лежать на нём. Заодно уже и надувной бассейн установили, надули воздухом с помощью собственных лёгких и губ. Прямо турбаза на дому получилась.

Отношения помалу налаживались, особенно с Андрюшкой, тянется мальчишка к мужикам. Без отца воспитание редко получается полноценным, и эту уцербинку позже очень трудно исправить, это беда безотцовщины, знаю по себе.

Сегодняшняя совместная работа очень нас сблизила.

С БАЙКАЛЬСКОГО БЕРЕГА НА ПРЕДСТАВЛЕНИЕ

Уговорил я бабушку и внуков съездить в Листвянку, а то получается нехорошо. Я, житель неблизкого Кузбасса, там бывал, а они живут в Иркутской области и ни разу не были на Байкале.

Вышли на Центральном рынке и отправились пешком к автовокзалу, оттуда раньше отправлялись автобусы в сторону Листвянки. Автостоянку увидели случайно, на одном микроавтобусе указан нужный нам маршрут. Потом я пожалел, что мы не вышли у Лимнологического музея, ребятам там было бы интересно, навряд ли они соберутся туда съездить, когда я отбуду в родные края. С нами поехала Лера,

её мама привезла вечером. Компания собралась удалая, скучать явно будет некогда.

За два года многое изменилось, прямо около остановки автобусов возвели высокую гостиницу, построили китайцы, они же её и эксплуатируют. Слышал я разговоры об этой стройке, говорили, что все канализационные стоки текут в Байкал. Трубы провели так хитро, что их не видно, но очистные сооружения никто не возводил. Это точно очень уж затратное дело, да и отстойник не строили, тоже деньги вкладывать, а прибыль нужна сейчас, и побольше. И не одну гостиницу возвели, просто эта самая большая, а поменьше их натякали у подножья горы прилично. Причалов тоже прибавилось, катера около них, яхты да и целые корабли, и с каждого зазывают в круизы, на прогулки.

Я повёл всю ватагу к концу пляжа, к тому месту, где загорал и купался позапрошлым летом. Татьяна раскинула большое тёмно-зелёное покрывало, все уместились на нём. Народу на пляже намного больше, чем тогда, хотя вода холодная, наверное, на десяток градусов. Пальцы заняли сразу, стоило их лишь погрузить.

Уровень Байкала упал немножко, я определил это по бетонной стенке дальше пляжа, помню, лез за неё по краю, и байкальская водица плескала мне в сандали, а сейчас она в полуметре от блоков. Павильонов, что стояли тогда рядом, нет, и бруса полусгнившего не видно, на котором мы с Артёмом пили пиво под омуля.

Помнил я о нём и решил попозже сходить в нерпинарий, может, он ещё работает. Постепенно мы разделись, воздух прогрелся хорошо, а от воды тянуло холодом. В это лето леса на той стороне Байкала пока не горели, не было дымной завесы, и противоположный берег отчётливо виден, видны высокие горы со снежными пятнами на вершинах и по склонам. Стою у кромки воды, смотрю, вдыхаю воздух Байкала, влажный, волнующий.

Всё же я решил искупаться, Татьяна отговаривала, ребяшня смотрела неверяще, я их подзуживал, звал с собой.

Зашёл по колени и ноги будто кипятком ошпарило, но раз уж зашёл, надо купаться, и я нырнул. Сердце встало поперёк горла и не давало вздохнуть, но мужчине не подобает показывать слабость, тем более когда с берега десятки глаз наблюдают. И я с достоинством, ну может, чуть поспешнее, чем следовало бы, вышел из воды.

А мальчишки и Лера хохочут и показывают на меня пальцами. Что случилось? Оглядываю себя. Оказывается, от меня валит пар, будто я из горячей бани выскочил на мороз, в действительности всё наоборот, а эффект тот же.

Вадька, вдохновлённый моим примером, зашёл в воду и пробыл в ней дольше меня, а потом

и Андрюшка насмелился побултыхаться у самого берега.

Мы по привычке купили пирожки ещё в городе, а квас привезли из Марково, здесь-то всё дороже, ребяшня с удовольствием уплеталастряпнину на свежем воздухе. Позагорав, оделся и пошёл искать Артёма. Его не застал на работе, однако напарница, с которой они по очереди проводят аттракционы, когда я объяснил ей, в чём дело, взяла мой номер телефона и обещала сообщить ему, сам-то он сегодня отдыхает, будет через день. Жаль, конечно, но хоть посмотрел, что это за нерпинарий такой.

Формой он похож на половинку разрезанного повдоль длинного цилиндра, поставленного местом разреза на землю. Открытая лестница на второй этаж, помещение, похожее на фойе кинотеатра, налево – дверь, ведущая туда, где, скорее всего, и происходит главное действие, правее – ещё одна, прямо – касса, около неё несколько человек. Я открыл вторую дверь, думая увидеть там кого-нибудь и спросить про Артёма. Комната, облицованная по стенам кафелем, посередине небольшой бассейн, а в нём – голова нерпы. Она посмотрела на меня печальными глазами и неслышно ушла под воду. Быстро вышел и только тогда прочитал на двери слова, написанные на узкой длинной табличке: «Снимать и фотографировать запрещается». Не снимал и не фотографировал, но всё равно стало неловко. Из первой двери вдруг повалил народ, сеанс, значит, закончился, я быстро зашёл, успел увидеть длинный бассейн, вокруг него – смотровая площадка с ограждением, в воде плавали дрессированные артисты. Ко мне подошла молодая женщина в спортивном костюме: «Что вам нужно? Сюда нельзя». Я начал ей объяснять, а она, слушая, в то же время потихоньку выдавливала меня за дверь, это и была напарница Артёма.

Ждал звонка Артёма до самого вечера и ещё несколько дней, но он не позвонил.

Топая назад, завернул к шашлычной, брал там в прошлый приезд шашлык, запомнил, потому что шашлык был огромный, сочный и недорогой. Сейчас всё гораздо хуже – шашлык раза в два короче, но зато дороже. Раньше он стоил двести рублей, нынче на полтинник больше, но взял ребятишкам по одному.

Прямо у края асфальтированной дорожки, что проложена правее шоссе, стоит человек со снежно-белой головой, но по виду не старичок, а бодрый немолодой мужчина, просто поседевший рано. Около него на сдвоенных столах сувениры из меди: крохотные кинжалы, щиты, шлемы, кувшинчики, да много разных поделок, всё сделано добротнo, привлекает внимание.

Одет он в геологическую штормовку советского образца, наверное, это и привлекло моё внимание.

Володе восемьдесят три года, а выглядит на полста, живёт под Челябинском, всю жизнь работал на заводе кузнецом, но пенсии не хватает, вот и занялся художественным промыслом. Однако в родных краях покупать стали плохо, уже три года, как он освоил Листвянку в целях сбыта своих изделий. Здесь много туристов, особенно китайцев. Зимой трудится: добывает медь, отливает, обрабатывает, шлифует, а с мая по сентябрь живёт здесь, снимает комнату и продаёт. На мой вопрос, прибыльное ли дело, со скромным достоинством ответил, что теперь на нормальную жизнь вполне хватает. Пожелал ему удачи в делах и здоровья.

Ребятишки и Лера обнаружили неподалеку тир, и Татьяна только успеваешь давать им сотни, ворча при этом, что они её разорят.

Около пяти поехали обратно. Опять смотрел по сторонам, вспоминал и сравнивал. Ещё утром, едва выехали из города, обнаружил, что дорожное строительство, которое велось два года назад, закончено. От трассы, по которой мы ехали, метрах в пятидесяти слева тянулась магистраль для встречного потока машин, через определённые расстояния их соединяли великолепные развязки. В одном месте в стороне велось ещё какое-то строительство, стояло много техники. Да, за дороги областная власть взялась всерьёз и результат виден.

На подьезде к Марково Таня показала мне справа от дороги целый ряд остовов теплиц, каркасы из труб и уголков. Года два назад отсюда с трудом изгнали китайцев, они на этом месте лет пять выращивали огурцы, после них земля перестала родить, ничего не растёт, сорняки и те какие-то чахлые. Рассказала, что они перегородили животине фермера-соседа выход на пастбище, человек бился-бился, пробовал судиться, но ничего не добился, вынужден был свернуть свои дела и уехать.

Наступило утро 14 июня, сегодня состоится представление второго номера журнала «Сибирь», я приглашён и к семнадцати часам должен прибыть в Дом литераторов. Выехал в город до обеда, я уже примерно знал, где находится музей декабристов и настроился посетить его. Маршрут обычный – доехал до рынка, съел беляш, поздоровался с безумцем и пошёл по улице, которую Татьяна мне до этого показала. В обиходе музей называют Домом Волконского, но на самом деле это целый комплекс зданий за деревянным забором сиреневого цвета, с воротами и калиткой. Внутри, кроме жилого двухэтажного дома, есть ещё постройки из круглого леса под железными крышами, около одного стоят белые деревянные скамейки с прямыми резными спинками. Сам дом впечатляет, когда только поднимаешься по широкой лестнице, видны неохватные брёвна, из которых он построен. Строили до-

мище не здесь, где-то в деревне, потом перевезли в Иркутск и собрали.

Ещё большее впечатление производят подлинные вещи и предметы быта семьи князя Волконского. Среди декабристов были люди самых разных политических взглядов и моральных начал, хватало и откровенных террористов, масоны представлены были не в малом числе. Но большинство всё же составляли личности высокой нравственности, а уж те, кто после каторги своими способностями и знаниями помогал сибирякам обустроить суровый край, заслужили вечную добрую память. Семья князя – из этой человеческой породы.

Часа два ходил я по комнатам и залам, любовался печными изразцами и гравюрами на стенах, читал на застеклённых полках раскрытые документы той эпохи. Это история моей Родины, и мне дорого в ней всё. А декабристы, их дела и судьбы имеют огромную значимость. Когда читаешь подлинные документы и видишь подлинные вещи первой половины XIX века, становишься причастным к тем грозным и трагичным деяниям.

Тихо иду по тихой улице, весь ещё там, в Доме Волконского.

Жанну, продавца рыбы на Центральном рынке, узнал издали, и она меня сразу узнала.

– Здравствуй, Жанна. Узнала?

– Ну конечно же. Вы опять к нам приехали? Надолго?

157 Приятная женщина, невысокая, смугловатая, с чёрными живыми глазами, и ей очень к лицу фирменная одежда в виде накидки с сине-белыми оваллами. Это вроде фартука, только современного покроя. Книгу, подаренную ей в прошлый приезд, она начала читать, но, к её стыду, пока не дочитала. Всё дела да заботы о хлебе насущном плюс нелады в семейной жизни, они тоже отвлекают. Я успокоил её, выразив надежду, что к следующему приезду обязательно дочитает. Спросил, есть ли у них омуль в продаже, было опасение, что не окажется. Ещё в прошлом году по телевизору сказали, что прекращён промышленный вылов омуля на Байкале.

В Листвянке на рыбном рынке, куда я зашёл специально посмотреть, омуля в продаже не было, по крайней мере, открыто. Все продавали хариуса, значит, скоро его до мальков выловят.

Но Жанна развеяла мои опасения, омуль им поставляется небольшими партиями по заказу, вполне законно. Договорились, что перед отъездом, 22-го или прямо 23-го я приеду, она мне оставит рыбы тысячи на три. Пора выдвигаться поближе к улице Степана Разина. Сажу в скверике, курю. Меня опять одолевают сомнения в моих литературных способностях: «Здесь собирается сейчас весь цвет иркутской словесности, а кто я такой? Провинциальный бумагомаратель, газозэлектросварщик,

публицист задрипанный». Ну-ну, хватит самоунижений, с такими мыслями лучше вообще туда не входить, всё же и я, возможно, сказал что-то доброе читателям, хоть чуть-чуть подвинул их сопереживать чужому горю. Пора идти.

Чудесный зал мест на шестьдесят, с мягкими стульями, лепнина на потолке, в центре люстра, похожая на старинную, освещает двенадцатью лампами в чашах многолюдное собрание литераторов, по стенам подсвечивают бра. Одно высокое окно раскрыто, и прямо над деревянным ограждением балкончика качаются зелёные ветви.

Собрание сначала вёл заведомо поэзии журнала Владимир Скиф. Байбородин живёт где-то за городом и пока не доехал. Скиф – мужчина импозантный, с короткой седой стрижкой и седым кольцом из усов и короткой же бородки. Простая клетчатая рубашка с коротким рукавом смотрится на нём элегантно одетым аристократа. У него хорошая русская речь и прекрасное знание предмета. Скиф представлял слушателям поэтов, чьи произведения были удостоены чести появиться в журнале. Наш поэт Саша Раевский тоже вошёл в число авторов.

Зал заполнен полностью, даже приносили стулья для оставшихся без места, подошёл Байбородин. Началось обсуждение прозы. Мне как гостю предоставили слово, волновался страшно. Но старался говорить спокойно, коротко рассказал о себе, о написанном, о планах, немного порасспрашивали. Книги и визитки я подарил иркутским писателям раньше, но и здесь довелось кое-кому вручить.

Обсуждение и просто беседа продолжились в узком составе в том же кабинете, где сидели в первый раз. Опять было по глотку вина, чай, лёгкие закуски и разговоры. По моему мнению, всё прошло на высоком уровне душевности. Очень понравился художник Сергей Казанцев, репродукции его картин в журнале просто замечательны, да и сам по себе он человек интересный, простой, доступный. А ведь фигура в мире искусства Сибири высокая, немного мы с ним поговорили.

Домой ехал в приподнятом настроении, а поздним вечером начался футбол. Я уж думал, что больше никогда не стану смотреть даже чемпионаты мира. Меня отталкивает от спорта его коммерческая сторона, которая в постсоветское время стала преобладающей и в России. Да и игра наших футболистов в последние годы производит удручающее впечатление. А связанные с ними скандалы, такие, как кутежи на знаменитых курортах, непомерные амбиции при отсутствии способностей способны напрочь отвратить от созерцания любых состязаний.

Я мальчишкой видел игру Пеле, Эйсебио и наших Яшина, Стрельцова и Понедельника. Они по-

казывали красоту футбола, азарт и любовь к игре, деньги для них не были самым главным призом, им была победа. Но после того, как американцы «продавили» участие профессионалов в Олимпийских играх, деньги стали основой всего спорта, он и кончился. Осталось спортивное шоу, бизнес-проект, а в бизнесе – законы джунглей, по которым можно покалечить соперника, можно применять анаболики и транквилизаторы, можно платить молодым футболистам огромные зарплаты и делать из них рекламных агентов. Можно всё, лишь бы народ шёл на стадионы и смотрел спортивные передачи.

Лёг на койку с журналом, однако звуки из-за двери проникали и заставили меня присоединиться к болельщикам. В комнате справа на матрасе лежал Андрюшка, дальше по этой же стороне, за печкой, на широком диване расположилась Татьяна с Лерой, а Вадька – через стол от них, тоже на матрасе, но полусидя и опершись на ножку стола, иначе ему было бы невозможно смотреть на экран, потому что телевизор стоит на комодке, почти на одной линии с его ложем. Я присел на край дивана, вот так мы и смотрели матчи чемпионата.

К ПОДНОЖИЮ САЯН

Татьяне и ребятишкам понравилась поездка в Листвянку, и мне было нетрудно уговорить их съездить в Аршан. Я им расписывал красоты посёлка у подножия Саян, великолепие водопада, тишину и покой. Леру мы с собой не берём, слишком уж неугомонная компания собирается, к тому же неизвестно, как там устроимся. Хотя я и убеждал Таню, что нас там встретят и приветят, но сам не был в этом до конца уверен. Два года прошло, и неизвестно, живут ли там мои добрые знакомые, Юля с Николаем, мало ли что могло произойти за это время.

В этой поездке меня ещё больше поразили масштабы дорожных работ. Я хорошо помнил дорогу на Аршан, она хоть и поддерживалась в рабочем состоянии, но была не широка и извилиста. Сейчас её реконструируют большими участками, а в некоторых местах строится совершенно новая трасса. Видны в стороне высокие земляные основания, ливневые каналы, «одеваемые» в бетон, три новых моста, уже построенных, но пока не введённых в эксплуатацию. Взяться и за это направление, вероятно, область налаживает сотрудничество с Монголией, поэтому понадобилась хорошая дорога, туризм тоже становится всё популярнее.

В Култук – остановка, знакомый рынок, может быть, даже и торговли те же, что и пару лет назад. Подхожу, в основном продают хариуса соленого и копчёного, у ближней крупногубой бабы в платке на лотках тоже он, а один лоток прикрыт холстиной.

Спрашиваю негромко:

– А здесь что?

Она зыркнула по сторонам глазами и полушёпотом:

– Омуль...

Для подтверждения наполовину открыла содержимое лотка. В самом деле – омуль, да крупный. Покупать не стал, рыба явно браконьерская.

Уносились назад великолепные виды Тунканской долины, на подъезде к Аршану опять нас настиг дождь и так же быстро закончился. Оставив спутников у автовокзала, пошёл искать усадьбу своих знакомых. Зрительная память не подвела, сразу нашёл, а наклоненная внутрь калитка заперта изнутри. Стучу – тишина, снова стучу, потом уже ногой.

– Кто там ломится? – женский голос от флигеля. – Нету хозяев, в городе они.

Начал громко объяснять, кто я и зачем ломлюсь.

– Да вы позвоните Юле сами.

– У меня нет её номера телефона. Вы бы подошли, неудобно через забор разговаривать.

Невидимая собеседница подошла, но калитку не открыла.

– Мы бы хотели снять комнату на пару дней.

– Сколько вас?

– Двое взрослых и двое мальчиков.

– Ну не знаю, как и быть, мне не было велено пускать.

Она всё же открыла, убрала доску, служившую запором. Худощавая невысокая пожилая женщина в халате и платке, завязанном сзади. Как выяснилось, это мама Юли. Сын в городе сдаёт экзамены, поэтому Юля с Николаем пока не приедут.

Позвонил Юле, она рада меня слышать, и я могу поселиться на любое время, потом в порыве добрых чувств ко мне добавила, что из уважения даёт скидку и платить нам придётся не по четыреста пятьдесят рублей за ночь, а по четыреста. Ну что ж, мне приятно, что меня помнят. Поселились в той самой, моей, комнате, на втором этаже. Немного подкрепившись остатками того, что Татьяна обычно берёт в дорогу, отправились к водопаду. Я им показал Пик любви и рассказал, как карабкался туда. Мальчишки слушали недоверчиво.

Таня устала прыгать по камням да корневищам, но, увидев водопад и немного отдохнув, решила спуститься по очень крутой лестнице с лиственничными ступеньками и была вознаграждена неописуемой красотой необезображенной природы. В свой временный дом вернулись утомлённые, но довольные, по дороге запаслись продуктами.

Варить мы ничего не варили, только чай кипятили, готовили салаты из тепличных огурцов и помидоров, свежие ещё не выросли, ели консервы и колбасу на крохотной кухоньке первого этажа. В комнате – четыре деревянные кровати, матрацы на них чуть толще простыни, но по два ничего, терпимо,

даже Татьяне, не привыкла она спать на жёстком, сетки-то на кроватях нет. Вместо них – доски, и некоторые визжат ночами, как голодные поросята. Во всём доме мы одни, тихо, мама хозяйки нас особо не беспокоила.

Следующий день прошёл в каких-то мелких делах, в суете. У Вадима уже дня два болит зуб, он постоянно глотает обезболивающие таблетки. И вот мы решили сходить в санаторий «Саяны» в надежде получить там медицинскую помощь, пусть даже платную, должен же в таком большом лечебно-оздоровительном центре, известном по всей Сибири, быть стоматолог или хотя какой-нибудь медик, способный помочь.

Пустые надежды!

Стоматолога в штате нет, это нам вахтёр сказал. Но мы не нашли вообще никого из медицинского персонала, даже дежурного, пусть сегодня выходной, но дежурный-то должен быть. Кабинет имеется врачебный, но закрыт, и даже спросить не у кого. Коридор первого этажа, где располагается медперсонал, пуст, все двери заперты. С полчаса посидели, потом надежда увидеть кого-нибудь кончилась, и мы удалились. В санатории, я думаю, находится не одна сотня человек, притом не совсем здоровых, и даже в субботу в любой момент может возникнуть необходимость в медицинской помощи. Предполагаю, медики договорились с вахтёром, и, если случится что-то экстренное, он им позвонит, а пока они занимаются своими делами, но зарплата идёт, они же на работе числятся.

Вечером я накапал Вадиму на больной зуб настой сирени на спирту, полегчало. Во второй половине дня случился неприятный инцидент из-за денег. А из-за чего в наше время происходит всё плохое? С Валентиной, мамой Юли, у нас наладились вполне дружеские отношения, а с Татьяной они, как выяснилось в разговоре, даже жили неподалёку в Нижнеудинске и есть немало общих знакомых. Она нам сразу по заселении сменила бельё, вымыла пол в комнате и вообще была всегда предупредительна и доброжелательна.

Так вот, мы только пришли с прогулки, я вошёл всех в дацан, хотели посетить и православный храм, но он был закрыт, пришли, сели чай пить, Валентина вызывает меня на улицу. Мы сели за стол во дворе, за которым в прошлый приезд сживали большой компанией.

Она попросила рассчитаться за проживание, я сходил за деньгами и подаю ей восемьсот рублей.

Валентина смотрит с недоумением:

– А остальные?

– Не понял?

– Ну что тут непонятного? Вас четверо, с каждого по четыреста за ночь, всего, значит получается три двести.

– Как с каждого? Разве не за комнату берётся?!

Валентина смущена, но она не имеет права сама решать.

– Нет, с человека за ночь. А вы разве не знали? Вы же здесь гостили, значит, платили?

– Я же был один, а один он и есть один, хоть за ночь, хоть за комнату.

От досады звоню Юле, она подтверждает слова мамы, но чувствую какую-то виноватость в её голосе. Однако я уже подавил глупую досаду и извинился перед Юлей, объяснил, что я просто-напросто не понял толком. Вот так треклятые деньги чуть было не омрачили добрые отношения с мамой и дочерью.

Юля позвонила и позже, давала трубку Николаю, было ощущение, что она всё равно чувствует вину передо мной. А вины никакой не было, цена за ночь постоя у ней невелика, ей же надо как-то зарабатывать и на жизнь, и на содержание немаленького дома. Не обязана Юля селить даром малознакомого человека.

В этом году что-то не очень много отдыхающих, раньше они толпами ходили, искали жильё, а в этот раз за два дня одна молодая компания заглянула. Они были слегка навеселе и им не понравился весьма скромный уют дома, а мы даже рады этому, ребята показались нам несколько развязными.

Пьяные же, как рассказывала Валентина, иногда ночью ломятся, почему она и закладывает в петли доску, крючок-то легко сорвать. Мальчишки малость пробовали играть в настольный теннис, но им быстро надоело, больше сидели в комнате, жалели, что нет телевизора, от скуки играли в телефонах. А я вспоминал прошлый приезд, соседей, наши разговоры при луне, тогда было интереснее.

В девять утра микроавтобус плавного отъехал от автовокзала. Прощай, Аршан, а может, до свидания, кто знает.

НЕ ПРЕЛЬСТИЛ МУЗЕЙ МИНЕРАЛОВ

Байбородин пригласил меня сегодня пообедать вместе, выехал пораньше, чтобы не опоздать, долго ехать по городу, но успел к часу дня, как договаривались. У нас немало близкого по мировоззрению, многое совпадает в литературных пристрастиях, но, как я уже говорил, кое-что меня напрягает.

Не сравниваю его с теми литераторами, которые после насильственной смерти Советского Союза моментально из членов КПСС превратились в православных прихожан. Как говорится, из лириков в клирики, это конъюнктуришки, но тенденция в том направлении, на мой взгляд, заметна.

Есть другие, которые искренне верили, но поверхностно, без чтения Святых Отцов, без духовной подпитки. В прежние время они таились, а когда за веру коситься и насмехаться перестали, она и накрыла обвалом.

Мы с Анатолием говорили на эти темы, он выслушивал мои доводы и это уже хорошо. Иные слова не дают сказать, сразу яростно обвиняют в нападках на православие. С нами пошёл обедать Саша Никифоров, поэт и писатель с самого севера Иркутской области. Невысокий, седенький, с рыжеватой негустой бородой, похожей на мох, которым обрастает старый лесной пенёк, он по первому впечатлению кажется простоватым, с хитрецей деревенским мужичком. Но, немного поговорив, понимаю, что это человек думающий и весьма своеобразный. Подольше да побольше бы вести с ним беседы, а не получилось. Пообедали в полуподвальном кафе, малость покалякали и вернулись в особняк, а там мне уже и возвращаться пора. Таня позвонила, дела есть.

Ни мальчишки, ни Татьяна больше путешествовать со мной не желают. У Тани в огороде дел полно, она и так, когда мы уезжали, просила соседей полить и присмотреть, а сейчас поспела жимолость, так что один поехал я в Слюдянку. Ещё в прошлый приезд собирался, но тогда не сложилось.

Городок недалеко от Култука, на другой стороне залива. Автостанция мне не понравилась, не знаю почему, и сразу всё пошло наперекосяк. Сначала решил посетить музей минералов, мне о нём рассказывали.

На местном громяющем автобусе доехал до указанного перекрёстка, дальше транспортное средство покатило влево, а мне прямо.

Деревенская улица, но с асфальтом, по сторонам частные дома, разные, есть очень неказистые, а вокруг невысокие, сплошь заросшие тайгой сопки. И кажется, будто дорога впереди просто поглощается зелёной массой, может, так и есть, не дошёл до этого места. Справа – высокий забор из необработанных камней, тянется метров на пятьдесят, в заборе дверь, открыто, вхожу. В глубине правее входа каменный же особняк, около него сложены большие куски разного цвета минералов, огорожены бордюром, слева – строение, похожее на крытую галерею. Из дома вышла женщина в тёмном костюме.

– Что вы хотели?

– Здесь музей минералов?

– Да.

– Хотелось бы посмотреть.

– Триста рублей, это без гида.

У меня отчего-то сразу резко отторжение.

– Извините. – И вышел.

Сам не понимаю, почему так поступил, ведь ехал же и шёл специально, чтобы посмотреть. Цена, что ли, показалась высокой? Возможно, но лишь отчасти. Музей декабристов куда весомее для ума и сердца, но там за посещение с экскурсоводом платишь 70 рублей, а здесь... Частный это музей,

вот в чём дело, а всё частное вызывает отторжение у меня на клеточном уровне.

Пошёл назад невесёлый, подумывая, не уехать ли тотчас же. Да, забыл сказать, когда шёл к музею, спросил, далеко ли, у полноватой молодайки около ограды, дома за четыре от музея, она улыбалась приветливо и объяснила. И вот дохожу до её ограды, а она стоит, положив белые руки на верхушки крашенных брусков.

– Что-то вы быстро сходили?

Не стоит посвящать её в мои отношения с этой подлюкой частной, сказал, что передумал и времени в обрез. Разговор не мог не возникнуть, ей явно хотелось поговорить с новым человеком. Светлана местная, живёт здесь всю жизнь. Узнав, откуда я, очень удивилась, в Слюдянке, знать, из Кузбасса гости не часты. Читать любит с детства и в Интернет заглядывает. Восторг и удивление слились в её лице в единую композицию, когда я рассказал кратко о себе и дал визитку. Короткая встреча, а запомнится надолго.

Веселее зашагал к перекрёстку и дальше, вскоре меня подобрала маршрутка. Как такового автовокзала в Слюдянке нет, просто конечная остановка всех маршрутов и различные павильоны, в одном из них продают билеты, взял билет до Иркутска на три часа дня. Пара часов в запасе, надо посмотреть железнодорожный вокзал, а потом идти к Байкалу.

Вокзал красивый, если его не перестраивали, то стоит он с начала XX века, сложен из камня или облицован. И башенки, и шпиль на центральном здании очень хороши. Перед входом плиткой всё выложено, ажурная металлическая оградка и лавочки смотрятся как единый ансамбль с каменными строениями.

А внизу, пока не виден, меня ждал Байкал. Поставил у памятника погибшим водолазам в узеньком скверике, он с виду простенький, а сердце обжигает. Большой белый камень, как обломок скалы, на нём водолазный шлем, рядом, опираясь на него или подпирая, якорь о двух клыках распустил по камню цепь, синяя табличка привинчена близко к якорю.

Байкал цветёт, метровой ширины серо-зелёная плёнка тянется по всему извилистому периметру берега, насколько видно глазам. А я очень хотел искупаться, скоро уезжать – на прощание тянуло ещё раз почувствовать кожей обжигающий холод байкальской водички. По скользким камням подошёл к самой кромке воды, неприятный запах ударил по ноздрям, желание окунуться улетучилось. Сидел поодаль на большом валуне, курил, смотрел. Рядом загорала, хотя солнца почти не было, молодая мама с очень богатыми формами, с ней дочка, девочка лет шести. Она играла у воды с камушками, вдруг крикнула: «Мама, мама, смотри, там нерпа!»

Я тоже стал всматриваться, сначала ничего не увидел, потом метрах в полусотне от берега, в том направлении, куда указывала девчужка, показалась из воды чёрная точка.

– Мама, вон она!

Нерпа несколько раз выныривала, потом пропала.

По дороге назад завернул в ближайшую торговую точку, где продавали рыбу. Омуль есть, только горячего копчения и дорогой, за рыбину чуть длиннее моей ладони просят триста рублей. С перевала в последний раз (за эту поездку) окинул взглядом открывшийся залив.

ХОЛОСТЯЦКАЯ ЕДА

Анатолий пригласил меня к себе в гости на другой день ближе к вечеру. Посёлок, в котором он проживает, недалеко от Марково, но добираться до него трудновато, очень редко ходит маршрутка. Это тоже пригород Иркутска, но, на мой взгляд, поуютнее, малоэтажные дома, красивая планировка не только домов, но и квартир. Здесь многие студенты снимают жильё, дешевле.

Анатолий пил водочку, а я пиво, холостяцкая закуска из свежих огурцов, хлеба и ветчины не заняла много места на передвижном столике. Квартира хорошая, на первом этаже, кухня по размерам едва ли не больше комнаты и балкон во всю длину обоих помещений. Его как раз отделявал строитель, крупный молодой парень. Мы выходили туда, я покурить, а он за компанию, мешали строителю. С балкона – вид на зарастающий пустырь и лесок подальше.

За пару часов друг другу надоест не успели, а вот в откровенном разговоре о нашей жизни и литературе, надеюсь, узнали каждый о собеседнике побольше изрядно, а это поможет в нашем дальнейшем сотрудничестве.

Обнялись при расставании. Надежда на встречу когда-нибудь обратно пропорциональна нашему возрасту, так что не особо обольщаемся.

СРУБЛЕНО НА ВЕКА

Из запланированного осталось лишь съездить в Тальцы, архитектурно-этнографический музей, это по дороге в Листвянку, немного не доезжая. На следующий день и отправился.

Собственно, это больше похоже на жилую деревню, конечно, без жителей, но с работницей музея в каждом доме и в одежде той эпохи.

Сюда, в Тальцы, в своё время свозили старинные уцелевшие дома, надворные постройки и целые деревянные храмы, что-то, скорее всего, реставрировали. В общем, посетители сейчас могут видеть реальную жизнь сибирского села конца XIX и начала XX века: домашнюю обстановку, утварь, одежду, а также инструменты хозяйственной деятельности.

Всё срублено из лиственницы, стояло больше ста лет и ещё века простоит. Любовался церковью высотой с пятиэтажку, её четырёхскатная крыша крыта лиственными пластинами. Это сколько же труда было вложено, без любви и веры такое не сотворить.

Подивился изобретательности наших предков, когда обратил внимание, как покрыта крыша лабаза. Стволы расколоты повдоль, а сердцевина выбрана, один ствол уложен во всю длину крыши расколом вверх, как корыто, а следующий перевернут и вставлен краем в первый, вода стекает по корытообразным желобам, а внутрь не попадает. Хотя тут, скорее, надо удивляться моему незнанию таких элементарных вещей из жизни своих ближайших предков. А они-то лес любили, берегли и умели такое из дерева сделать, что до сей поры весь мир смотрит и ахает.

Познакомился с молодой весёлой толстушкой из Якутска, она здесь второй раз и не устаёт восторгаться. Мы вместе осматривали жилые избы, крытые двory, бани, конюшни и дошли до берега Ангары. На берегу – недостроенный причал, лежат брусья, доски, а справа, метрах в трёх от песчаного берега – глинистый крутой обрыв, вода вымыла в нём большие углубления, почти пещеры. А за причалом во всю свою первородную, буквально в десятке километров от места рождения, ширь мягко накатывает на песок легкие волны Ангара. В этом месте она очень широка, на глаз – не меньше километра. Это в Иркутске после плотины её ужали и ограничили. Мощь и красота, а волна, тихо шелестя у моих ног, манит окунуться.

Я начал раздеваться, Наташа удивлена:

– Вы будете купаться?!

– Обязательно. В Байкале купался, в Ангаре пока не довелось.

– Холодно же.

– Да ну, я же сибиряк.

Получилось, как в Листвянке, зашёл храбро, нырнул уже не столь отважно, а возвращался с огромным желанием рвануть со всех ног, однако и здесь надо держать марку. Тем более что опять явились зрители, целая толпа китайцев, откуда только взялись. Когда в воду заходил, никого не видел. Они с обрыва снимали меня на телефоны и видеокамеры, что-то между собой лопотали и смеялись. Пришлось остановиться по щиколотку в воде и крикнуть им: «Что, интересно смотреть, как русский мужик купается? Ну давайте кто-нибудь присоединяйтесь!». И, демонстративно наклонившись, стал ладонями плескать на себя обжигающую, как крапива, воду. Всё они понимают, засмеялись, а некоторые отрицательно помахали руками.

«Эх, вы – слабаки!» – вышел на песок, взял одежду, отнёс подальше, на травку и стал одеваться.

Когда мы с Наташей пошли вверх по склону, зрителей уже не было.

Неожиданно моя спутница сказала с поразившей меня, потому что это не соответствовало её доброму полному лицу, злостью: «Не люблю я их, они в Якутске уже достали всех, и здесь от них покоя нет».

Их в самом деле здесь было очень много. Ходят большими группами, словно стаями, почти все с видеоаппаратурой, громко разговаривают и смеются, не обращая ни на кого внимания. Когда китайцев мало, они скромны, в большом количестве становятся наглыми и бесцеремонными. Подпортили нам настроение, особенно Наташе.

Посмотрели бурятскую юрту, полуразрушенную крепостцу, потом разошлись, она захотела сходить в настоящую деревню за холмом, а я пошёл к выходу. Зашёл в кафе, стилизованное под трактир, съел пару пирожков с черемшой, выпил кофе, горячее не стал брать, привык в поездках питаться всухомятку.

Пора трогаться в обратный путь, доведётся попасть в эти края ещё раз, обязательно и сюда загляну, понравилось. Кстати, и недорого, с пенсионной скидкой всего сто рублей за вход, а экскурсоводы здесь в каждой избе, всё покажут и расскажут. Вспомнил частный музей минералов в Слюдянке и одобрил своё тогдашнее решение не способствовать обогащению хозяев.

ШАШЛЫК В КРУГУ ДРУЗЕЙ

И в этот же вечер пригласили наши друзья, Николай Иванович с супругой. Надежда Михайловна отсутствовала недели полторы, уезжала в Хакасию за внучками. Сегодня утром они приехали, хотя показать нам своих красавиц, ну и заодно это прощальный ужин перед моим отъездом.

Помогал Николаю Ивановичу жарить шашлыки в углу участка, смотрел, как он суетится и вспомнил недавний случай. Он как-то на днях пригласил меня помочь ему собрать теннисный стол, для внучек купили. Стол китайский, провозились часа три, приходилось много сверлить шуруповёртом. Собрали, натянули сетку, и он предложил мне поиграть. У дома выложена досками небольшая площадка, места маловато для тенниса, но ничего, начали. В молодости я неплохо играл в настольный теннис, кое-что из навыков осталось, ну я и начал противника гонять по углам. И вдруг Николай Иванович, он только поднял ракетку для подачи, уронил её, пошатнулся и во весь рост упал спиной на лавочку около стены дома. Я не успел среагировать, растерялся от неожиданности, подбежал, когда он уже лежал. Начал поднимать его, Николай Иванович медленно приходил в себя.

– Что со мной случилось?

Я ему рассказал.

– Ничего не помню, в глазах потемнело – и вырубился.

Слава Богу, обошлось без серьёзной травмы, ухо лишь обо что-то ободрал. Играть мы больше не стали. Я себя потом ругал, человеку же семьдесят три года, а я его, как пацана, до пота.

Сейчас смотрю, как он бежит от мангала до летней кухни и обратно, и думаю, что природа у него такая шустрая и её не исправить.

Хорошо посидели, девочки, одной четырнадцать, другой около десяти, пели под телефонную музыку, песни наши, русские, девчонки очень старались. Папа девочек в Хакасии руководит художественной самодеятельностью и сам поёт, так что они в него. Меня порадовало, что девчонки не увлекаются англоязычными песнями и сами скромные.

ОМУЛЬ НА ДОРОЖКУ

Нагостился, напутешествовался, пора и домой собираться. В день отъезда заскочил на рынок. Жанна рыбу уже приготовила, завернула в промасленную бумагу и упаковала два свёртка, всего семь больших омулей горячего копчения.

За ранним ужином одного мы съели, одного оставил мальчишкам и Татьяне, а пяток повезу домой, надо домочадцев угостить и мужики с работы любят рыбу под пиво.

Такси заказано к десяти вечера в Марково. Вадим несёт мою сумку, как всегда полную, там книги, журналы, книги подарили иркутские писатели. Андрюшке достался пакет с мусором, в садоводстве нет контейнеров под мусор, его выносят в Марково. Вышли почти на час раньше, пришли, а такси уже ждёт.

Расставание получилось неожиданно трогательным. Татьяна прослезилась, с Вадимом обнялись, как родные, Андрюшка прижимался к моему боку и шмыгал носом. Я часто глотал слюну, чтобы не допустить влагу до глаз.

Осталась фотография на память. Они втроем стоят на фоне торгового центра, за ним краешек уходящего солнца растворяет в себе крышу и угол здания.

Почти час до поезда, сижу в зале ожидания, в стороне от центрального входа. Народу мало, полицейских много. Они хмурые, снуют туда-сюда

с дубинками у поясов, а один сидит на лавке рядом и играет в телефонную игру. Когда я попросил его посмотреть за сумкой, пока я схожу покурить, он глянул на меня как на потенциального террориста и буркнул: «Нельзя, гражданин, все вещи носите с собой».

Ночью в наше купе шумно поселился мужик с большой коробкой или ящиком, он поставил его в проходе. Пассажир был поддастый и с пивом, проводница грозила вызвать полицию. Утром я разглядел, что у него за груз. Большая клетка, а в ней здоровенная кошка не кошка, но похожа, только больше обычной и мордочка не кошачья, скорее барсучья, что ли. Андрей – из Красноярска, везёт с выставки свою животину, это помесь енота и кошки, забыл, как называется животное.

Зверь весь день лежал в клетке, обходясь безо всего необходимого в жизни, мне было жаль его. Хозяин зарабатывает деньги, показывая животное на выставках, и продаёт потомство енотокошки. Котята, оказывается, стоят очень дорого, речь о десятках тысяч рублей. А получать потомство можно только спаривая самку с таким же енотокотом. Узнав такие подробности, можно только ещё сильнее пожалеть бедное создание, красивое, сильное, но нежизнеспособное. Вероятно, их и вывели-то единственно ради наживы.

Я лично считаю недопустимым такое варварское вмешательство в живую природу, коль Бог не создал это, то оно не должно быть. Мы, люди, из созданного Богом, уж, поди, половину уничтожили безвозвратно.

Проводницы не очень разговорчивы, одна лишь сказала как-то в коротком разговоре, что РЖД родные подарочек им преподнесли – стали брать подоходный налог из суммы, выделяемой на льготный проезд.

Лежу на полке в раздвоении сердца – одна половинка рвётся домой так, хоть беги впереди электровоза, а вторая осталась там, откуда удаляюсь. Думаю, как там Татьяна, как мальчишки, чем занимаются. Следом набегают мысли о родных: заждались, небось. А закрою глаза – и вижу воочию ширококосинущую Ангару в Тальцах, мягкий шелест волны ласкает слух, опущенные в воду ладони ещё не заглохло от холода.

ОТКРЫВАЮТСЯ АРХИВЫ

В канун 25-летия нашей Победы над фашистской Германией известный советский поэт Николай Тихонов предвидел, что со временем архивы откроются и «покажут миру славу и позор». Ещё 25 лет спустя статья, приуроченная уже к полувековому юбилею Победы, напомнила читателю об этом восьмистишии, где глагол в первой строке по-прежнему отсылал нас к неопределённому будущему:

*Наш век пройдёт. Откроются архивы,
И всё, что было скрыто до сих пор,
Все тайные истории извивы
Покажут миру славу и позор.
Богов иных тогда померкнут лики
И обнажится всякая беда,
Но то, что было истинно великим,
Останется великим навсегда.*

И вот теперь, в канун 75-летия Победы, принято решение о создании доступного центра архивных документов о Великой Отечественной войне, что позволило употребить в заголовке глагол в настоящем времени: «открываются» архивы.

Итак, открываются государственные архивы. Но в архив, можно сказать, в начале 1990-х была сдана и замурована русская советская литература, одной из главных составляющих которой была военная проза. Не стали переиздаваться произведения о Великой Отечественной войне, кардинально «отрефлектирована», то есть до неузнаваемости переосмыслена школьная программа по литературе, на полную катушку раскручены – ибо свято место, как известно, пусто не бывает – так называемые *другая литература* и *нетрадиционное литературоведение*. Известного толка литераторы: писатели, критики и литературоведы – засучив рукава, принялись за дегероизацию подвига советского народа в Великой Отечественной войне.

Тема Великой Отечественной войны была одной из магистральных. На фронте и в тылу звучали строки из «Священной войны» В. Лебедева-Кумача, из стихотворения К. Симонова «Жди меня» и поэмы А. Твардовского о Василии Тёркине. А в год Победы А. Фадеев закончил работу над первой редакцией романа «Молодая гвардия», в следующем – Э. Казакевич публикует повесть «Звезда». У М. Шолохова готовы главы романа «Они сражались за Родину», а к первому круглому юбилею пишется напечатанный в 1956 году рассказ «Судьба человека». В том же, втором, полупериоде истории русской советской литературы читатель знакомится с такими, например, в хронологическом порядке произведениями, как

первый роман (1959) трилогии К. Симонова «Живые и мёртвые», повесть Б. Васильева «А зори здесь тихие...» и роман «Горячий снег» Ю. Бондарева (оба произведения в 1969-м), повесть «Пастух и пастушка» (1971) В. Астафьева, роман А. Иванова «Вечный зов» (1976) и повесть Г. Бакланова «Навеки – девятнадцатилетние» (1980).

В 1987 году в книгу для учителя вошла глава о военной прозе профессора МГУ им. М. В. Ломоносова Анатолия Георгиевича Бочарова. Опубликованная до вакханалии с переоценкой былых ценностей, эта работа представляет интерес и для сегодняшнего читателя. Автор отмечает, что названные выше повести написаны в романтической манере, что позволило «с огромной эмоциональной заразительностью высветлить и трагизм войны, и величие человеческого духа». Там же мы читаем о том, что «усиление трагедийного начала, тесно связанное с усилением философской насыщенности прозы, стало характерной приметой **всей прозы семидесятых годов**» (Выделено мной. – В. Е.). Это значит, что магистральной для литературы 1970-х оставалась по-прежнему советская тема, а не пост-модернистский «дискурс», который якобы в то время уже в целом определял литературный процесс.

Вначале, разумеется, речь шла исключительно о схватке с врагом на полях сражений. Но и в произведениях, отображающих послевоенную действительность, Великая Отечественная оставалась неизменным для повествования фоном. На этом, например, было задержано внимание читателя в статье о творчестве Юрия Трифонова: «Мы не найдём у Трифонова развёрнутых батальных сцен времён Гражданской и Великой Отечественной войн, но писатель постоянно напоминает нам лаконичными сообщениями об их трагических последствиях».

Не обошлось без трагических отголосков Великой Отечественной войны и в самых известных произведениях такого же, как Виктор Астафьев, писателя-сибиряка всесоюзной известности Виля Липатова. Да, нам нужна была победа над вероломным захватчиком, и мы не постояли за её ценой... Огромным числом определяются наши потери на полях сражений и оккупированных территориях. Не счесть безвременный на наших глазах уход одного за другим тех, кто уцелел, но, изувеченный, вернулся-таки домой.

Липатов возносит нас к лирическому отступлению о многострадальной и горячо любимой России: «Брянская область, Брянская область! На фоне колодца-журавля женские фигуры, усталый стук солдатских сапог, пожарища, трупы, голодные глаза... Многострадальная, милая ты моя, – пишет сибиряк, – Брянская область! С какой будничной жестокостью прошёл по тебе гусеничный ход мировой военной истории! Издавна мешочная и полуголодная, ты только в тридцатые годы начала подниматься на ноги, накормила было досыта баб и ребяти-

* Елатов В. Писатель о войне. 1995 // Земляки. 2004.

** Бочаров А. Г. Военная проза // Современная русская советская литература: В 2 ч. М.: Просвещение, 1987. Ч. 2. С. 49.

шек, заплясала было весёлая, советская, возле подновлённых прясел, да так и недоплясала – покатилося по твоим знаменитым лесам эхо самой тяжёлой войны в истории человечества».

Устами учительницы в пьесе «Вечно живые» участник Великой Отечественной Виктор Розов объясняет нам, что война не только физически калечила, но ещё и души людей увечила. А кто-то – об этом хорошо помнят «дети войны» – до конца дней своих не мог избавиться от кошмаров, напоминающих о бесчеловечности развязанной фашистами бойни.

Вернёмся к упомянутому выше пособию для учителя. «Сила трагического героя не всегда в одолении врага или обстоятельств, но всегда в нравственной твёрдости и стойкости, восхищающей читателя, – пишет А. Г. Бочаров. – И благодаря тому, что трагедия показывает нам не человека, который страдает, а дух, который побеждает, она не усугубляет трагичность жизни, но, наоборот, дарует нам «очищение» от той невыносимой душевной тяжести, в которую мы погрузились при зрелище бедствий и гибели».

Предложенный Липатовым ракурс задан в русской советской литературе ещё в первый её полупериод, то есть до Великой Отечественной войны. Хрестоматийной, например, стала личность автора романа «Как закалялась сталь». А у «детей войны» наглядных примеров в послевоенные годы тоже хватало. В школе, например, один из наших учителей был без правой руки. В университете семинары по истории КПСС вёл слепой преподаватель. Всё наше детство и юность прошли бок о бок с ними, травмированными душой и телом.

Не грех, полагаю, мне повториться, предлагая читателю отрывок из юбилейной статьи, написанной десять лет назад, к 65-летию нашей Победы:

«Исторические исследования могут быть сегодня существенным образом дополнены произведениями многонациональной советской литературы. Вот как, например, азербайджанец Расул Рза вспоминает о событиях первого года войны:

Помнишь, как под Москву
бились за наш Баку?
(«Береги оружие»)

Это стало историей, но так именно было: за свой родной город бакинцы сражались под Москвой, потому что это была и их столица. То же чувство кровной сопричастности пронизывает стихи о блокадном Ленинграде:

Торжественно древняя льётся Нева,
ей подмогу шлют и Баку, и Москва.
Непреклонным мой город выйдет из бед,
уже близко ясное утро побед.
(«Ленинград»)

Конечно, и сегодня в Санкт-Петербурге есть какая-то азербайджанская диаспора, для которой этот город стал

родным. Но у поэта речь идёт о другом: он называет Ленинград своим, оставаясь бакинцем».*

...Открываются государственные архивы и возвращаются в книжные хранилища благодарные потомки, воскрешая в своей памяти бессмертную славу защитников Отечества и клеймя несмываемым в веках позором беспамятство клеветников России:

За что ж? Ответствуйте: за то ли,
Что на развалинах пылающей Москвы
Мы не признали наглой воли
Того, под кем дрожали вы?
За то ль, что в бездну повалили
Мы тяготеющий над царствами кумир
И нашей кровью искупили
Европы вольность, честь и мир?..**

25 января 2020 г.

В. ЕЛАТОВ,
г. Прокопьевск

БЕЗ ПОЗОЛОТЫ ФАЛЬШИ

Получила неожиданный подарок – новый сборник стихов Сергея Донбая. Узнала о его выходе в свет случайно из интернета: библиотеки.кемеровские.рф поделились информацией под названием: «Листая страницы журнала «Огни Кузбасса». Оттуда я и узнала, что 28 февраля 2019 года в детской библиотеке имени А. М. Береснева состоялась творческая встреча авторов журнала-юбилея с читателями. На встрече главный редактор журнала не только рассказал историю журнала, которому исполнилось 70 лет, но и представил свою новую книгу «Во сне снегов», стихи из которой прочитал собравшимся.

28 марта на представлении первого в юбилейном году номера журнала я спросила Сергея Лаврентьевича о новой книге, а он подарил её мне, сделав, по обыкновению, приятную дарственную надпись.

С волнением приступила к чтению. И не заметила, как книжка... закончилась. Так быстро?! Ой, как жалко! Я бы ещё читала и читала...

Самое первое впечатление от прочитанного: лёгкие, прозрачные, светлые, нет, я бы даже сказала, просветлённые, воздушные строчки. Они мне напомнили рисунки Нади Рушевой, помните? Тонкие, почти невесомые, даже не линии, а лишь намёк на них, где нет ничего лишнего, а вы всё видите, понимаете, чувствуете: и характер, и настроение, и душевное состояние. И несмотря на полупрозрачные, почти волосяные линии, есть в рисунках объём, внутренняя экспрессия. Таковы, например, наиболее известные иллюстрации Нади к произведениям Пушкина. Я, много читавшая Александра Сергеевича, разные из-

* Елатов В. Бальзам надежды // Земляки. 2010.

** Пушкин. Клеветникам России // ru.wikisource.org/wiki/Клеветникам_России_(Пушкин).

дания разных лет, лучше рушевских иллюстраций не встречала, при всём моём уважении ко всем другим талантливым художникам. У Нади почерк сродни самому Пушкину – кто не знает его летящих рисунков на полях его рукописей?!

И вот теперь я познакомилась с книжкой поэта, автора многих книг, строгого и властного главного редактора журнала, в которой всё у него, как у Пушкина: легко, воздушно, до гениального просто! За строчками, написанными как бы едва касаясь пером чистого листа бумаги, – человек большого жизненного опыта, но не брюзга, не зануда и не ментор – повзрослевший мальчишка, с тем же юношеским восторженным восприятием жизни, мудрый, но не мудрствующий, просто делящийся своим взглядом на окружающий мир и на людей. И я, читатель, невольно поддаюсь его заразительному жизнелюбию и магнетическому обаянию! Оно во всём: в стихах о родном языке и Слове; и о детях и внуках; и о зарубежных – дальних – странах; и в стихах-воспоминаниях о далёком детстве, о маме, о родном доме; и в стихах о временах года, и, что для меня явилось приятным и неожиданным открытием, в коротеньких совсем (есть в книжке и двустихия) строчках-притчах.

Таким я Донбая раньше не знала! У меня в домашней библиотеке есть несколько его поэтических сборников, все – с автографами. Но возвращаться к ним и сравнивать стихи из них со стихами из новой книжки не хочу и не буду. Эта стоит совершенно отдельно, особняком. На мой взгляд (не знаю, есть ли у Сергея Лаврентьевича в планах другие стихи и новые сборники), этот сборник – вершина его творчества! Кто из пишущих не хотел бы так суметь выразить себя, чтобы положить на обе лопатки своего читателя?! У Сергея Донбая это получилось!

Читая сборник, боялась неосторожным движением или дыханием потревожить слова: как бы они не упорхнули с книжной страницы! Я в полном потрясении и восторге от этой маленькой, но такой драгоценной книжки!

Она оформлена со вкусом: начиная с обложки, заканчивая неброскими, но точными и выразительными, очень уместными и причастными к стихам рисунками внучки поэта Василисы Донбай. Как же надо было проникнуть в глубину смысла стихов бабушки, чтобы так классно проиллюстрировать этот небольшой сборничек?! Эти скромные изящные рисунки, как и слова, заключённые в рамки стихов, такие же негромкие, не кричащие, не вычурные. Как же это всё подкупает!!!

Если говорить о стихах, которые понравились, сделать это будет совершенно невозможно – мне понравились ВСЕ! Но некоторые всё-таки надо привести, чтобы подкрепить свои восторги наглядно. Цитирую несколько самых-самых, которые удивили, восхитили, умилили, заставили задуматься, повели за собой...

Стихотворение, открывающее сборник:

СЛОВО

*В древности – до Рождества Христова –
Там, где время седины седей,
Там пророк не зря роняет Слово –
Для других, для будущих людей.*

*И у нас вначале было Слово.
Только зимы здешние лютей.
В остальном – от Рождества Христова –
Всё, как у людей, как у людей.*

*Божий сын не обойдён рождением,
Матерью земной не обделён.
В каждом доме на тебя с терпением
Смотрят, как родня, Они – с икон.*

*И от Рождества до Рождества –
Долетает Слово сквозь слова.*

ТВОЙ ДОМ

*Когда закат нас тьмой оближет,
Как мать телёнка языком,
Во тьме ночной – дорожке, ближе –
Звездой тебе засветит дом;*

*Когда лукавое отродье
Тебя ведёт не по прямой,
Но, словно лошадь без поводьев,
Ты всё-таки идёшь домой;*

*Когда за дальнею дорожкой
Иль за небесною верстой
Ты вспоминаешь осторожно
Дом, не какой-нибудь, а твой;*

*К тебе он всюду тянет нити,
Не прерываются оне.
Он, словно ангел, твой хранитель –
И света крылья на стене.*

*Когда тебе по воле божьей
Последний, тихий грянет гром,
Проводит в вечность из прихожей
Твоё создание – твой дом.*

* * *

*Мама стряпает вареники,
Лист присыпала мукой,
Я ещё совсем маленький,
Да почти что никакой.*

*А она так ловко лепит их –
Сами пальчики летят.
На листе, как гуси-лебеди,
Тихо крылышки лежат.*

Призадумалась, болезная,
Кем я буду, Боже мой?
Перед ней, как будто тесто я,
Перепаханный мукой.

Я здесь, не умер, отдохнуть
Свернул тропинкою земною,
Чтобы изведать странный путь
Отцов и дедов предо мною.

Можно цепь перековать.
Можно сердце заменить.
Жизнь не перекуковать,
Будь ты трижды знаменит.

Муха, севшая на гире,
Изменяет время в мире.

Воспламеняются леса
И ссоры меж людьми.

Тех, кем не признавался,
Прощал – они не правы.
От счастья задышался
В лучах ленивой славы.

Прозрел. А что же дальше?
Без позолоты фальши?
И перевёл дыхание,
Трудясь в тени призвания.

И вместо эпилога – стихотворение:

Когда мои внуки начнут понимать
И жизнь, и далёкую смерть,
Мне будет не страшно уже умирать.
Но это не скоро ведь...

Нина Инякина,
г. Кемерово

ОТКЛИК НА СБОРНИК СТИХОВ ДМИТРИЯ КЛЁСТОВА «РАСПУТИЦА»

«Распутица» – новая книга поэта Дмитрия Клёстова, вышла в 2019 году. Рас-пу-ти-ца. Удивительно ёмкое слово, имеющее множество синонимов, в каждом из которых скрыт свой смысл. Беспутица, беспогодица, бездорожица, раздорожица, кисель. Но первое, что приходит на ум, – бездорожье, непролазная, раскисшая грязь. У Иосифа Бродского дорога в распутицу «как река, зараза, <...> не то чтобы вес-

на, но вроде. Разброд и кривизна». А вот у Клёстова всё по-другому – «мне отраднo в распутице вешней». Как говорится, почувствуйте разницу.

Первое стихотворение сборника является весьма оптимистичным заповедом для всей книги. Поэт ставит перед собой, а значит, и перед читателем, задачу – «чтобы в жизни паршивой не киснуть, // А надеяться. Верить. Любить!». И такой жизнеутверждающий мотив, несмотря ни на какие перипетии судьбы, звучит с первой и до последней страницы книги. В основе слова «распутица», в его корне, лежит слово «путь». А это значит, что из любой безнадёги обязательно найдётся выход. Каков он будет, вот в чём вопрос. У каждого человека «своя колея». Об этом и пишет поэт Дмитрий Клёстов: «Только Богу одному // Вся судьба его известна».

В своих стихотворных творениях Дмитрий Клёстов достаточно прямолинеен. Излагает поэт мысли без всякого сентиментализма, возвышенного романтизма, вычурности, витиеватости. Наоборот, порой говорит сухо, жестко, а бывает, даже и грубовато. Проскальзывают простонародные выражения. Не обошлось и без шуток, прибауток. А сколько самоиронии! И в то же время поэт может спокойно нарисовать самые что ни на есть сказочные образы: «Снег куделькой льняной // укрыл моё червлёное крылечко». А уж коли так, то появляются соответствующие персонажи – Каурка вещая, а следом и Муромец, который готов отразить нашествие врагов. **Всё по-русски!** Потому что душа поэта «от русской женщины», хоть «кровь монгола». И близок «сердцу» его «табунок», «грибной берёзовый распадок». Не может поэт сдерживать гнев, когда Отчизну называют на заморский манер: «Раша». Болит его душа за неухоженность родной сторонки, бесхозяйственное отношение к земле. И озадачивается вопросом: «На родине воскреснет ли мужик // Великий Зодчий, Праведник, Хозяин?». И пытается ответить делом: «Возьму лопату да очищу аорту родника // и водружу, как знамя, журавеля». **Жить в труде – может, это и есть ответ? И тогда «появились харчи // Не богатые, но и не постные, // И какой-то надеждой // Домик полнится мой». А ещё нужно жить по совести. И спрашивает поэт «провидицу», «где Бог? Где Царь? И где Герой?».**

На происходящие события в мире, стране, области Дмитрий Клёстов отвечает публицистической поэзией. В этих стихах он открыто выражает свою гражданскую позицию. Поэт не скрывает своих душевных порывов, он искрен с читателем. «Сотоварищ извечный», – говорит поэт о скворце, который «не предал родного гнезда» и в распутицу прилетел на родину. В конце стихотворения поэт подытоживает: «...невинные детские души // Вернулись в отцовскую сень».

Надо отметить, что Дмитрий Петрович очень наблюдательный человек. От его взора не ускользнёт синичка, клюющая зимой подвешенное сало, воробей и голубь, что отбирают друг у друга кусочек булки, муравей и стрекоза, которых повстречал у «крохотного за-

лива». Из увиденного, подмеченного делает очередной вывод: «Нам ли не годится // Опыт птицы, пчёлки, муравья...», или: «Поклоны я истою, // Искренне бью // Траве-мураве, // А в траве – муравью». Поэт вольно или невольно часто упоминает муравья, потому что сам такой же неутомимый труженик, знающий цену трудовой копейке, цену урожая. И относится он с великим уважением к земле: «Земля моя – кормилица моя», и к человеку труда, о котором немало стихов в сборнике: «Он был воистину любим, // Что никому не делал плохо, // И с бедолагой неплохим // Уходит целая эпоха».

И несмотря на твёрдость слова, за которым непременно стоит такой же твёрдый, рабочий характер, а значит, ответственность и надёжность, в глубине души поэт нежен, чист и светел: «Поляна живых незабудок – // Искомое счастье моё».

ОТКЛИК НА КНИГУ ГЕННАДИЯ ГУЛЕВИЧА «ОДНОЙ СУДЬБОЙ С ОТЕЧЕСТВОМ ЖИВУ»

Сборник стихов «Одной судьбой с Отечеством живу» Геннадий Гулевич посвятил 95-летию Ижморского района, где он родился и проживает в настоящее время, и 100-летию комсомола. Геннадий Иосифович – активный участник общественных движений, целью которых является патриотическое воспитание детей. Кроме того, он участник клуба творческого общения «Откровение», а ещё тесно сотрудничает с районным литературно-краеведческим клубом «Ижморские искорки». Поэтому неудивительно, что «в музее, школах и библиотеке, я в юных душах крепость возвожу, которую не взять врагам вовеки».

В книге чётко прослеживаются несколько тем: пограничная служба в Уссурийском крае и участие в военном конфликте на острове Даманском, война, родной край. В сборнике есть несколько песен, есть стихи, посвящённые поэту Василию Дмитриевичу Фёдорову, а также довольно большой блок здравиц. Одно поздравление написано к 70-летию юбилею журнала «Огни Кузбасса», где отмечается, что журнал для Г. Гулевича «стал потребностью души», что «это свет» и «в мир доброты ведущая дорога».

Пограничная застава – особое место. И чтобы стать часовым Родины, нужно иметь не только определённые психологические качества, но и твёрдую морально-нравственную основу. Небольшие погранотряды, как и моряки-подводники, – это настоящая солдатская семья, члены которой несут коллективную ответственность за каждого человека, за его дела и поступки, и неважно, где они были совершены: на службе или в быту. О службе в Дальнереченске в сборнике имеется не одно стихотворение. Трепетно и с большим уважением хранит Г. Гулевич в сердце память о тех днях: «О том, что служил, я ничуть не жалею // Тебя, мой отряд, вспоминаю любя», «я край

тот, Приморский, далёкий и близкий, как малую родину в сердце храню».

Шестидесятые годы двадцатого века – годы, овеянные романтическим ореолом мужественных, честных героев, стоящих на защите социалистической собственности, государственной границы, а в целом – Отечества. И такие честные, преданные, ответственные герои жили не только на экранах кинотеатров и в книгах – они были среди обычных людей. «Мы границы храним. Мы Отечеством дышим. // И слова непустые для нас – «Долг» и «Честь», «Горжусь, что выпало и мне, // Крупицей быть в даманском слитке, // В смертельном сплавленном огне, // Не хуже, чем в печах Магнитки». Даманский не отпускает Геннадия Иосифовича: «Скорбим по павшим. // Наша скорбь горька и глуща», «Но я живу! С душой в кровавых пятнах // Карабкаюсь к вершине бытия. // И в сновиденьях, только мне понятных, // С друзьями вместе догораю я». В стихах Г. Гулевича о службе на погранзаставе есть такая строчка: «Я званием «даманец» дорожу», которую можно взять как эпиграф к данному циклу стихов.

Тема Отечественной войны перекликается с предыдущим циклом стихов. Они связаны между собой неразрывной нитью, а поэтому в некоторых стихах автор говорит так, будто бы он и есть участник той войны. Стихотворение «Пора творить и созидать» можно назвать программным. Г. Гулевич предлагает всем людям писать «стихи о любви», «старших почитать», «мечтать», искоренять «лечь, корысть, бездушие», «делать добрые дела», «жить других любя» и «может статься, войн не будет!». В качестве девиза этой программы можно взять слова: «Любовь спасёт мир!». Завершить эти две темы хотелось бы словами: «Люди, люди, человеки! // Мы же можем, мы должны // Сделай всё, чтобы вовеки // Больше не было войны!».

Строчка из стихотворения «Отчий край»: «Люблю тебя, мой отчий край!» как нельзя лучше подходит для начала следующей темы книги. О своём любимом Ижморском районе Г. Гулевич не просто пишет стихи, а поёт песню: «Я твой росточек, маленький росточек, // Сторонка ненаглядная моя!». Дым, что «столбом стоит из труб», похож у поэта на мчащийся паровоз, а «пруд под толстым льдом продрог», «И если есть на свете рай, // То этот рай – моя Ижморка!»

Татьяна ГОРОХОВА,
г. Топки

СЛЕДЫ БОЖЕСТВЕННОГО

(Шкуратова Ю. «Следы». Кемерово, 2018. 38 с.)

Тонкая книжка Юлии Шкуратовой «Следы» заключает в себе три десятка небольших стихотворений, хотя могла быть составлена из меньшего их числа, поскольку не все они равноценны, без некоторых можно было бы обойтись. Крайне невыверенной выглядит композиция книжки. Минималистичный формат издания всё-таки обязывает к отбору лучшего

и характернейшего из написанного, а также к обдуманной компоновке отобранного. Юлии Шкуратовой, кажется, не достаёт более ответственного отношения к представлению своего творчества.

Жаль, поскольку творчество это уже потому довольно ценное, что для Кузбасса не совсем типичное (насколько вообще можно говорить о типичном в отношении стихов: поэзия как раз там и начинается, где ожидания обманываются). Стихи Шкуратовой не замыкаются в узких региональных рамках, к чему часто склонны провинциальные стихотворцы, и обнаруживают гораздо больше связей с общесибирскими поэтическими потоками (в несколько андеграундном их изводе).

Собственный голос Юлии Шкуратовой оказывается иногда настолько сильным, что, пробиваясь сквозь ямбическую строгость, он заглушает возможные чужие отголоски и часто не позволяет воспринимать стихи как общечеловеческие. В иных случаях Шкуратова начинает соскальзывать в мелкость тем и настроений и, как следствие, писать не самые удачные тексты. Так, например, под одной обложкой можно найти и такое примечательное – и замечательное – трёхстишие:

*это у меня внутри
это у тебя внутри
неделимое на три*

и такие – в самом деле скучные – строки:

*схожу с ума от скуки
о чайник грею руки
стихи – всего лишь звуки
осмысленные в такт*

Юлии Шкуратовой как будто не хватает какой-то ритмико-классической выучки, с одной стороны, и желания быть деспотом над своими творениями – с другой. У неё есть цепкая интуиция творца, которая порой и позволяет ей дорываться до удач, но

ценная дисциплина позволила бы одерживать победы чаще.

В конце сборника приведены два отзыва, один из которых принадлежит Даниле Давыдову: он возводит поэтическую стратегию Ю. Шкуратовой ко вполне определённой традиции, делает это, несомненно, метко, однако выведение генезиса конкретной поэтики из особенностей чужих, уже известных поэтик – это, как кажется, наименее затратный при анализе путь, поскольку в поэте важнее не то, что роднит его с другими, а как раз то, что от других отличает.

Книжка названа «Следы» вполне точно, поскольку Юлия Шкуратова любит детали и явления, которых коснулось нечто, что я попросту назову божественным. Правда, она говорит о божественном постфактум, когда оно прошло тот или иной предмет насквозь, она видит сияния, всполохи и отблески, оставленные им, на чём и сосредотачивает внимание, лишь внутренне стремясь за божественным, покинувшим поле зрения:

*росою огорошена
не стрижена не кошена
стоит трава засохшая
у дома моего*

*белесая калечная
до боли человечная
стоит как будто вечная
и больше ничего*

169

Она стремится, но как будто ещё не решается последовать за ним, его нагнать, ей милы именно следы. Возможно, однажды она наконец наберётся смелости и решится взглянуть не на следы, а на того, кто их оставил.

Михаил РАНТОВИЧ

